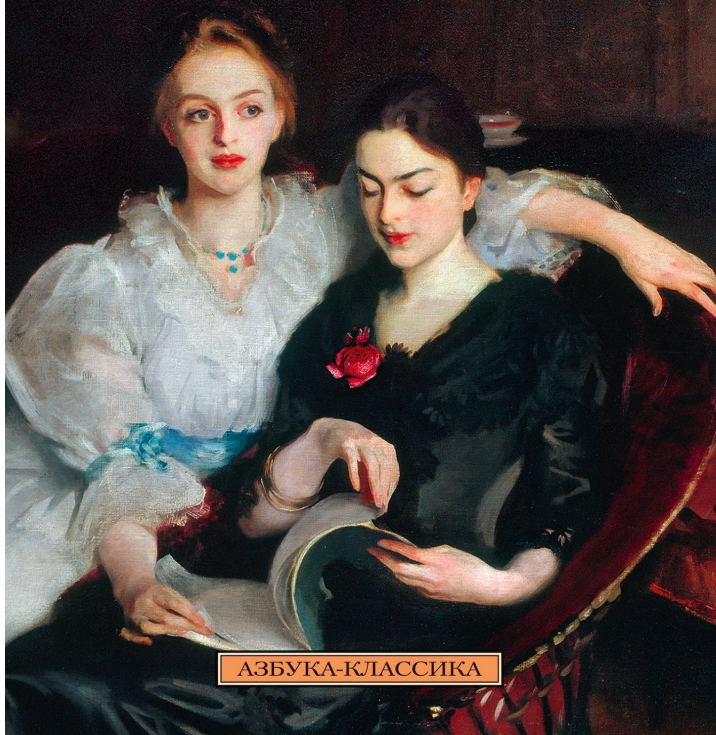

ШАРЛОТТА
БРОНТЕ

Соперницы

АЗБУКА-КЛАССИКА

Шарлотта Бронте

Соперницы

Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69263722

Соперницы:

ISBN 978-5-389-23458-1

Аннотация

Имя Шарлотты Бронте, одной из самых популярных английских писательниц, автора романа «Джейн Эйр», известно во всем мире. Ее литературный талант проявился довольно рано. В детстве Шарлотта, Эмили, Энн и Брэнсуэлл Бронте, дети приходского священника, зачитывались книгами из домашней библиотеки, придумывали игры и истории, которые дали начало их дальнейшему творчеству. Юная Шарлотта пробовала свои силы в разных жанрах, в ее сочинениях есть и романтика, и приключения, и вымысел, в них находится место и авторской иронии, и полемическому задору. Однако со временем главной темой Шарлотты Бронте становится любовь. В настоящее издание вошли ее рассказы и повести 1829–1834 годов, а также рассказы ее брата Брэнсуэлла. Переводчик Е. Доброхотова-Майкова в предисловии пишет: «Проследить шаг за шагом развитие дерзкого, неожиданного таланта, поразившего современников и

продолжающего изумлять потомков, – уже ради этого ранние книги Шарлотты заслуживают самого внимательного прочтения».

Содержание

Предисловие	7
История года	14
Двенадцать искателей приключений	18
Глава 1	19
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	33
Приключение в Ирландии	39
История островитян	43
I	43
II	61
Глава 1	61
Глава 2	63
Глава 3	67
Глава 4	70
Глава 5	74
III	81
Глава 1	81
Глава 2	90
IV	101
Глава 1	101
Глава 2	112
Занимательный эпизод из жизни некоторых	125

выдающихся людей современности

Глава 1

127

Глава 2

130

Конец ознакомительного фрагмента.

133

Шарлотта Бронте

Соперницы

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, предисловие,
2012, 2023

© М. В. Клеветенко, перевод, 2012, 2023

© М. Д. Лахути, перевод, 2012, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Предисловие

В сборник вошли самые ранние произведения Шарлотты Бронте – отчасти игра, отчасти первые опыты писательства, в которых при всей их детской наивности уже отчетливо виден литературный талант. Юная Шарлотта пробует себя в самых разных жанрах: проза, поэзия и драматургия, сатира и политическая аллегория, фантастика и то, что мы теперь назвали бы «фэнтези» – литературная сказка, действие которой происходит в вымышленном мире с подробно разработанным антуражем. Кто знает, какое развитие получили бы эти стороны ее таланта, родись она века на полтора позже?

Многих поклонников сестер Бронте занимает вопрос: как в одной семье появились сразу три выдающиеся писательницы? Возможно, одна из разгадок – в той творческой атмосфере, которая царила в их доме. И произведения детей Бронте дают читателю возможность краешком глаза заглянуть в их жизнь и в их внутренний мир.

Шарлотта Бронте была третьей дочерью англиканского пастора Патрика Бронте. Она родилась в 1816 году, в следующие годы на свет появились ее брат Брэнсуэлл, сестры Эмили и Энн, а в 1820 году не стало их матери. Патрик Бронте остался вдовцом с шестью детьми на руках. Приход занимал все его время, но приносил очень мало денег. Решение отдать четырех старших девочек в пансион для детей

духовенства Кован-Бридж, казавшееся наилучшим выходом, обернулось трагедией: Мария и Элизабет заболели туберкулезом и, хотя отец немедленно забрал дочерей домой, умерли в тот же год. Дальше отец учил детей сам. Человек это был в высшей степени незаурядный. Первый биограф Шарлотты, Элизабет Гаскелл, изобразила его самовластным чудовищем, а он, желая, чтобы жизнеописание его дочери увидело свет, даже не стал возражать; только сейчас трудами современных исследователей справедливость постепенно восстанавливается. Патрик Бронте родился в Ирландии, в бедной, практически неграмотной семье, сам выучился читать, стал учителем, затем поступил в Кембридж и был рукоположен в сан. Всю жизнь он писал стихи, которые публиковал в местных газетах. В воспитании детей преподобный Патрик Бронте придерживался самых современных взглядов: им надо давать книги, а в остальном предоставить свободу бродить «по пастбищам зеленым и лугам» (У. Вордсворт). И книг, несмотря на бедность, в доме всегда было очень много: Вальтер Скотт, Дефо, Байрон, Шелли, Саути, уже упомянутый Вордсворт; Бронте покупали или брали читать у соседей ведущий литературный журнал того времени – «Ежемесячный журнал Блэквуда», из которого юная Шарлотта позаимствовала форму многих своих ранних произведений.

Шарлотта почти никогда не упоминает умершую сестру Марию (начальная фраза «Истории года» – редчайшее исключение), видимо, слишком остра была боль, однако мож-

но догадаться, что первые игры придумывала для них Мария. Шарлотта, став старшей, взяла на себя эту роль. В «Истории года» она рассказывает, как появились некоторые игры. Из одной – в деревянных солдатиков – впоследствии выросла их с Брэнуэллом «Витропольская сага». Короткая повесть «Двенадцать искателей приключений» рассказывает о том, как (по версии Шарлотты) на берегу Гвинейского залива был основан Стекланный город (в более поздних произведениях саги – Витрополь). «История островитян» не относится к витропольской саге, но связана с ней общими героями. Именно эти «тома» (написанные, как и все остальные сочинения детей Бронте, микроскопическим почерком на оберточной бумаге и сшитые в маленькие книжечки – такие, чтобы их «могли читать солдатики») заслужили суровое осуждение Элизабет Гаскелл: «Описания подлинных событий безыскусны и выразительны, однако стоит ей дать волю своему воображению, язык и фантазия вырываются за рамки здравого смысла и вплотную приближаются к откровенному бреду». На современный взгляд, эти тексты, написанные тринадцатилетней девочкой, интересны именно во всей полноте, и реалистическая их часть, и та, которую миссис Гаскелл сочла бредовой. Из них видна и удивительная фантазия, и необыкновенная начитанность детей Бронте: политики, журналисты, врачи, литераторы, путешественники для них настолько близки, что легко становятся персонажами сказки. Шарлотта безусловно разделяет консервативные

взгляды отца: ее герои – тори, вигам отведена роль мелких пакостников. Форму она смело заимствует у литераторов-романтиков. Типичный сюжет ее тогдашних произведений состоит в том, что герой попадает в некое таинственное место, где с ним происходят необъяснимые события (отечественному читателю это наверняка напомним «Остров Борнгольм» Карамзина).

Так же решительно заимствует она и форму «Блэквудского журнала» для своего «Журнала удальцов». Выпуск включает небольшой прозаический раздел, стихи и «застольную беседу», составленную по образцу «Амброзианских ночей» Джона Уилсона, Джона Локкарта и Джеймса Хогга: несколько персонажей собираются за столом в таверне и непринужденно обсуждают текущие события. Подобно «Блэквудскому журналу», сочинения Шарлотты исполнены полемического журналистского задора: в «Дне во дворце Парри» она высмеивает персонажей своих сестер Эмили и Энн, в «Занимательном эпизоде из жизни некоторых выдающихся людей современности» достается уже ее брату Брэнзуэллу – вернее, его литературной маске, капитану Бутону. Однако если Эмили и Энн, обиженные на диктат старших, в конце концов отделились и создали свою собственную страну, то Брэнзуэлл вполне способен был за себя постоять. «Занимательный эпизод» написан 18 июня 1830 года, а 19-го Брэнзуэлл (от имени Бутона) уже откликнулся на него заметкой «Разоблаченный лжец». Эта перепалка соавторов-соперников проходит через

все юношеское творчество Брэнзуэлла и Шарлотты; ее фирменные обращения к читателю, придающие такое очарование «Джейн Эйр», в ранних книгах всегда адресованы Брэнзуэлли и почти всегда содержат ехидную шпильку.

За исключением нескольких ранних фрагментов, Шарлотта нигде не говорит от своего имени. В соответствии со взглядами того времени, что писательство – не женское дело, рассказчик всегда мужчина. К 30-му году, когда написан «Занимательный эпизод», окончательно формируется ее главная литературная маска – лорд Чарлз Уэлсли. Лорд Чарлз и Артур, маркиз Доуро, – сыновья герцога Веллингтона (получившие свои имена от реальных детей реального герцога Веллингтона) – фигурируют уже в «Островитянах», но здесь они еще идеальные молодые люди, наделенные сверхчеловеческой красотой и всеми мыслимыми добродетелями (хотя привычка подглядывать и подслушивать проявляется у лорда Чарлза уже тогда). Однако довольно быстро он превращается в иронического, даже злобного наблюдателя, с удовольствием подмечающего чужие недостатки. Отныне его главные орудия – клевета и убийственный сарказм. В предисловии к «Альбиону и Марине» он честно сознается, что сочинил это все в отместку за причиненные обиды. (Занятно, что день видения Альбиона, 18 июня 1815 года, – это день битвы при Ватерлоо, когда «герцог Стрателлерей» никак не мог находиться в Африке.)

Повесть «Альбион и Марина» открывает новый этап в

творчестве Шарлотты. Отныне ее главная тема – любовь. В основе повести лежит подлинная история о любви четырнадцатилетнего Артура Доуро (здесь он назван Альбионом), сына герцога Веллингтона, к дочери его личного врача, Элизабет Хьюм (Марианна Хьюм в других произведениях Бронте). В жизни отец быстро положил конец юношескому увлечению сына; что испытывали влюбленные, мы не знаем, известно лишь, что никто из них не умер. В этой же повести впервые появляется леди Зенобия Элрингтон (или Элрингтон – написание имен в ранних произведениях Бронте нередко меняется), женщина с сильным характером, одна из любимых героинь Шарлотты, действующая почти во всех произведениях Витропольской, а затем и Английской саги. Любовному треугольнику Артур – Марианна – Зенобия посвящены и две следующие вещи: пьеса «Соперницы» и короткая повесть «Свадьба». «Свадьба» написана в 1832 году; Шарлотте уже шестнадцать. Книжки ее меняются: волшебство все еще присутствует, Верховные Духи (то есть сами Шарлотта, Брэнсуэлл, Эмили и Энн в облике всемогущих джиннов) по-прежнему активно вмешиваются в судьбу персонажей (главным образом воскрешая их по мере надобности), однако произведения обретают связный сюжет, а герои – личность. «Найденыш», «Зеленый карлик», «Секрет», «Заключение» – эти романы, написанные в 1833–1834 годах, пронизаны романтическим вальтер-скоттовским духом. В каждом из них есть тайна, любовь, отвага и подлость. Интрига

безусловно увлечет юного читателя, взрослый же, если и посмеется над ее наивностью, оценит мастерство, с которым семнадцатилетняя девушка выстраивает свои романы. Проследить шаг за шагом развитие дерзкого, неожиданного таланта, поразившего современников и продолжающего изумлять потомков, – уже ради этого ранние книги Шарлотты заслуживают самого внимательного прочтения.

Е. Доброхотова-Майкова

История года

Однажды папа дал моей сестре Марии книгу. Это был старый географический атлас, и она написала на чистой странице: «Эту книгу дал мне папа». Атласу сто двадцать лет, и сейчас, когда я пишу, он лежит передо мной. Я на кухне нашего дома в Хоуорте. Табби¹, служанка, моет посуду после завтрака, Энн, моя младшая сестра (Мария была старшая), стоя коленями на стуле, разглядывает пироги, которые испекла нам Табби. Эмили подметает в гостиной. Папа и Брэннуэлл уехали в Кейли. Тетя² у себя в комнате, а я пишу за кухонным столом.

Кейли – небольшой городок в четырех милях отсюда. Папа и Брэннуэлл поехали за газетой «Лидс интеллидженсер». Это превосходная газета, поддерживающая тори. Ее редактор – мистер Эдвард Вуд, а владелец – мистер Хернаман. Мы выписываем две газеты, читаем три. Выписываем «Лидс интеллидженсер», газету тори, и «Лидс меркюри», газету вигов, – ее выпускают мистер Бейнс, его брат, зять и два его

¹ Табита Акройнд, урожденная Вуд (ок. 1770–1855) – кухарка и прислуга на все руки в доме Бронте с 1824 г. Дети очень ее любили, и она отвечала им тем же. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Мисс Элизабет Брэннуэлл (1776–1842), сестра Марии Бронте, переехавшая к овдовевшему Патрику Бронте, чтобы помогать ему с детьми. В письмах и дневниках племянники по большей части отзываются о ней с уважением, но без теплоты.

сына, Эдвард и Тэлбот; читаем «Джона Буля» – это газета крайних тори, очень резкая. Мы берем ее у мистера Драйвера, и он же дает нам «Блэквудский журнал», лучшее здешнее периодическое издание. «Блэквудский журнал» издает мистер Кристофер Норт, старик, ему семьдесят четыре года. Его день рождения 1 апреля. Его друзья – Тимоти Тиклер, Морган О’Догерти, Макрабин, Мордехай Маллион, Уорелл и Джеймс Хогг, шотландский пастух, человек поразительнейшего таланта.

Наши игры начались: «Удальцы» в июне 1826-го, «Наши друзья» в июле 1827-го, «Островитяне» в декабре 1827-го. Это три наших главных игры, которые мы не скрываем. Моя с Эмили постельная игра началась 1 декабря 1827-го, и еще одна в марте 1828-го. Постельные игры тайные. Они очень хорошие. Все наши игры очень странные. Мне незачем записывать, в чем они состоят, потому что, думаю, я никогда их не забуду. «Молодые люди» пошли от деревянных солдатиков Брэннуэлла, «Наши друзья» – от басен Эзопа, «Островитяне» – от некоторых происшествий в нашей жизни. Я попробую, как сумею, подробнее обрисовать происхождение наших игр.

Удальцы

Папа ездил в Лидс и привез Брэннуэлла солдатиков. Когда он вернулся, мы были уже в постели. На следующее утро

Брэнзуэлл пришел к нам с коробкой солдатиков. Эмили и я спрыгнули с кровати. Я схватила одного и воскликнула: «Это герцог Веллингтон! Он будет мой!» Тогда Эмили тоже взяла солдатика и сказала, что он будет ее. Энн, когда спустилась, тоже выбрала себе солдатика. Мой был самый хорошенький и безупречный во всем. Солдатик Эмили был мрачный с виду, мы его называли Мрачуном. Солдатик Энн, маленький и чудной, очень походил на нее саму, его называли Лакеем. Брэнзуэлл выбрал Бонапарта.

Происхождение О'Хохонов

О'Хохоны появились так. Мы играли, что у каждого из нас есть большой остров, где живут люди шестимильного роста. Людей мы взяли из басен Эзопа. У меня главным был Коломенный человек, у Брэнзуэлла – Хвастун, у Эмили – Охотник, у Энн – Шут. Наши главные герои были в десять миль высотой, и только герой Эмили – всего в четыре.

Происхождение островитян

Островитяне появились так. Был сырой декабрьский вечер. Мы все сидели у камина и довольно долго молчали, потом я сказала: «Давайте играть, что у нас у каждого есть собственный остров». Брэнзуэлл выбрал остров Мэн, Эмили –

острова Арран и Бьют, Энн – Джерси, а я выбрала остров Уайт. Потом мы решили, кто будет жить на этих островах. У Брэнуэлла главными стали Джон Буль, Эстли Купер³, Ли Хант и прочие, у Эмили – Вальтер Скотт, мистер Локкарт, Джонни Локкарт и прочие, у Энн – Майкл Седлер, лорд Бентинк, Генри Хэлфорд и прочие. Я выбрала герцога Веллингтона и его сына Норта и компанию, тридцать офицеров, мистера Абертнети и прочих. 12 марта 1829 г.

Две романтические повести

Сочинение Шарлотты Бронте

28 апреля 1829 года

³ Сэр *Эстли Купер* (1768–1841) – знаменитый английский врач, придворный хирург Георга IV, Вильгельма IV и Виктории.

Двенадцать искателей приключений

Написано 15 апреля 1829 года

Глава 1

Страна джиннов

Существует легенда, что несколько тысяч лет назад двенадцать мужей из Британии, самого колоссального роста, и двенадцать мужей из Галлии прибыли в страну джиннов; много лет они беспрестанно воевали между собой, после чего вернулись в Британию и в Галлию. В обитаемой части страны джиннов от них не осталось никаких следов, хоть и рассказывают, будто в диких, бесплодных землях, в зловещей пустыне находили исполинские костяки.

Впрочем, мне попалась книга под названием «Путешествия капитана Парнелла», в которой есть следующий отрывок:

«Примерно в четыре часа пополудни я увидел на востоке темное облако, которое постепенно росло, пока не закрыло все небо. Ветер тем временем крепчал, и наконец сделался сильный ураган. Пустыня пришла в движение: песок катился, словно морские валы. Едва я это увидел, как бросился ничком и задержал дыхание, ибо понял, что надвигается торнадо или песчаный смерч. Так я пролежал три минуты, после чего осмелился поднять голову. Смерч прошел совсем близко, не задев меня, но мой бедный верблюд, лежавший рядом, был мертв. При виде него я не мог сдержать слез, однако вскоре меня отвлекло иное зрелище. Примерно в ста

футах впереди белел огромный скелет. Я тут же подбежал и внимательно его осмотрел. Покуда я глядел на длинный безобразный костяк, простертый передо мной на песке, мне подумалось, что это могут быть останки одного из тех древних бриттов, что, по преданию, высадились в этой ужасной земле и в ней сгнули. Тут я заметил, что кости обвивает длинная ржавая цепь. Внезапно она лязгнула, и скелет попытался встать, однако песчаная гора с грохотом осыпалась на него, взметнув тучу пыли, закрывшую солнце, так что наступила полная тьма. Когда пыль осела, не осталось ничего, что указало бы будущим путешественникам место, где лежал скелет».

Если этот рассказ правдив – а я не вижу причин ему не доверять, – у нас есть все основания предположить, что это скелеты злых джиннов, которых сковала цепью фея Маймуна.

Есть еще несколько преданий, но все они весьма сомнительные.

Глава 2

В поисках неоткрытых земель

В год 1793-й семидесятичетырехпушечный корабль «Непобедимый» с попутным ветром отошел от берегов Англии. Команда – двенадцать человек, все как на подбор сильные и здоровые. Вот их имена: Маркус О’Донелл, Фердинанд Кортес, Феликс де Ротси, Юджин Камерон, Гарольд Фицджердж, Генри Клинтон, Френсис Стюарт, Рональд Траквер, Эрнест Фортескью, Густав Даннели, Фредерик Брауншвейгский и Артур Уэлсли.

Как я уже сказал, мы отплыли из Англии 1 марта 1793 года. 15-го увидели Испанию. 16-го высадились на берег, закупили провиант и 20-го вновь подняли паруса. 25-го около полудня Генри Клинтон, стоявший на вантах, крикнул, что видит грозное облако. Через минуту мы все были на палубе и тревожно всматривались в гору, над которой висело злое черное пятно. Тут же убрали паруса, сменили галс и на самый крайний случай приготовили шлюпку.

Покончив с этим, мы спустились в каюту. На всех лицах был написан страх; никто не выражал готовность встретить свою участь, как пристало мужчинам. Некоторые из нас начали плакать, однако время шло, но мы не слышали шума ветра, а облако не увеличивалось в размерах.

Наконец Маркус О’Донелл воскликнул:

– Ну хоть бы оно уж куда-нибудь сдвинулось, вперед или назад!

Тогда Стюарт посоветовал ему заткнуться, а Фердинанд влепил затрещину. О’Донелл в долгу не остался. Но тут зашвистел ветер, и Рональд закричал:

– Облако уже размером с меня!

Брауншвейг оттащил Рональда от окна и велел ему придержать язык. Феликс де Ротси зажал Рональду рот. Г. Фицджердж сзади схватил Ротси за горло. Э. Фортескью сунул под нос О’Донеллу кулак, а Маркус повалил Эрнеста на пол. Камерон пинком отбросил Клинтона на другую сторону каюты, а Стюарт так орал им: «Тише вы!», что производил больше шума, чем все остальные.

Однако внезапно яростная вспышка молнии и мощный громовой раскат заставили всех умолкнуть. Ветер усилился, обшивка корабля трещала. Вторая молния, еще более яркая и страшная, чем первая, расколола нашу грот-мачту и сорвала фор-марсель. Молнии сверкали все более пугающе, гром оглушал. Дождь лил стеной, шквальный ветер свистел в ушах. Самые стойкие из нас трепетали от страха, и даже наш главный врач испугался.

Наконец шторм закончился, но нас снесло с курса, и непонятно было, где мы теперь.

30-го Г. Даннели (он был на палубе) крикнул:

– Земля!

Все мы несказанно обрадовались. 31-го высадились на бе-

рег и узнали, что это остров Тринидад. Мы починили корабль, запасли воду и провиант и 5 мая снова пустились в путь.

Чтобы описать все наши приключения в Южной Атлантике, не хватило бы и ста книг. Довольно сказать, что после многих штормов, сбивавших нас с курса, так что мы уже не знали, в какой части света находимся, впереди показалась земля. Мы некоторое время шли вдоль берега, ища удобное место для высадки. Наконец мы его нашли.

2 июня 1793 года наш потрепанный корабль бросил якорь в небольшой бухте, и мы сошли на берег. К нашему изумлению, земля оказалась возделанной. Здесь в изобилии колосились неведомые нам злаки, рядами росли пальмы и огромное число миндальных деревьев. Кроме того, было множество олив и большие рисовые поля. Нас очень удивили эти признаки того, что земля обитаема. Судя по всему, она принадлежала к огромному континенту.

Пройдя мили две, мы увидели вдалеке двадцать туземцев; все они были вооружены до зубов. Мы тут же приготовились к бою. У каждого из нас имелись пистоль, сабля и багинет. Подойдя ближе к нам, дикари тоже остановились. Судя по всему, наш вид очень их изумил, потому что мы слышали, как один произнес: «Что это за странные люди?»

Затем их вождь спросил:

– Кто вы?

Уэлсли ответил:

– Нас прибило к берегу штормом, и мы просим вас о помощи.

Они сказали:

– Вы его не получите!

Уэлсли:

– Тогда мы возьмем его силой!

Мы приготовились к сражению, они тоже.

Схватка была ожесточенной, но мы победили: убили десятерых, взяли вождя в плен, еще пятерых ранили, а последние четверо бежали. Вождь был совершенно черный и очень высокий. У него была свирепая внешность и самые красивые глаза, какие я когда-либо видел. Мы спросили, как его имя, но он не стал отвечать. Мы спросили, как называется его страна, и он ответил: «Ашанти»⁴.

На следующее утро к нашим шатрам подошли двенадцать человек с выкупом за вождя и предложением мира от здешнего правителя. Мы согласились, так как условия были для нас самые выгодные.

Сразу после заключения мирного договора мы решили приступить к строительству города. Место выбрали посреди большой равнины, ограниченной с севера высокими горами, с юга – морем, с востока – мрачными лесами, а с запада – зловещей пустыней.

⁴ *Ашанти* – государство в Африке, на территории современной Ганы. В то время, когда Шарлотта Бронте писала «Двенадцать искателей приключений», шла Четвертая англо-ашантийская война и до полного покорения Ашанти оставалось более полувека.

Примерно через месяц после того, как мы начали строить город, с нами произошло следующее приключение.

Как-то вечером мы все собрались в большом шатре вокруг огня, ярко горевшего в середине. Мы сидели, слушая завывания ветра, бушующего снаружи. Все молчали. Никому не хотелось говорить, а уж тем более смеяться, и кубки на круглом столе оставались нетронутыми. Среди этой тишины мы услышали звук трубы, доносящийся со стороны пустыни. В следующий миг грянул раскат грома, и земля как будто содрогнулась до самого основания.

К тому времени все мы, насмерть перепуганные, повскакали с мест. При новом жутком звуке трубы страх наш сменился отчаянием. Мы бросились вон из шатра, вопя не от храбрости, а от ужаса, и тут нам предстало зрелище столь величественное и грозное, что даже сейчас, через сорок лет после той кошмарной ночи, при воспоминании о нем у меня сжимается сердце и кровь леденеет в жилах. Высоко в облаках стоял огромный устрашающий великан. В правой руке он держал трубу, в левой – два дротика с огненными наконечниками. На грозовой туче, катившейся перед ним, лежал его щит. На лбу великана было написано: «Джинн Бури». Он шагал по черным облакам, клубящимся под его стопами, и словно не замечал бьющих вокруг молний. Однако вскоре гром утих, а сверкание молний сделалось не таким яростным.

Хриплые завывания ветра умолкли, и свет, более мягкий,

чем полыхание огненной стихии, разлился по небу, которое теперь очистилось от туч. Посреди небосвода засияла спокойная луна, и звездочки словно возликовали в своей лучистости. Великан спустился на землю и, подойдя к тому месту, где стояли мы, ни живы ни мертвы от страха, трижды описал в воздухе круг пылающим ятаганом, после чего занес руку для удара. И тут мы услышали громкий голос: «Джинн, я повелеваю тебе унять свой гнев!»

Мы обернулись и увидели фигуру настолько высокую, что джинн в сравнении с нею казался крошечным карликом. Она лишь раз весело взглянула на нас и тут же пропала.

Глава 3

Пустыня

Город рос успешно. Дворец правосудия был завершен, и крепостные стены закончены; мы воздвигли Великую башню и приступили к постройке «Большой гостиницы».

Однажды вечером, когда мы собрались во Дворце правосудия и беседовали о том, как все у нас хорошо, Артур Уэлсли, в ту пору еще простой трубач, воскликнул:

– Разве правитель чернокожих не смотрит на наше процветание иными очами, нежели мы сами? Не лучше ли немедленно отправить вестника в Англию, сообщить об открытой нами земле и ее богатствах? Неужто нам не пришлют оттуда армию?

Френсис Стюарт тут же поднялся и сказал:

– Молодой человек, думай, прежде чем говорить! Как мы отправим вестника в Англию? У кого хватит стойкости вновь пересечь Атлантику? Или ты забыл шторм, забросивший нас к берегам Тринидада?

Артур Уэлсли ответил:

– Со всем почтением я осмеливаюсь возразить старшему и более опытному товарищу и лишь по долгом размышлении дерзнул произнести то, что сейчас произнес. Я хорошо помню шторм, заставивший нас искать приюта у чужестранцев. Я не предлагаю нам самим пускаться через океан на нашем

потрепанном корабле и не рассчитываю, что мы сумеем построить новый так быстро, чтобы отвлечь опасность, которую я предвижу. Однако как скоро возвели мы город, в котором сейчас находимся! Сколько времени ушло на дворец, где мы сидим? Разве эти мраморные столпы и величественный купол воздвигла не сверхъестественная сила? Глядя на город в готическое окно и наблюдая, как утреннее солнце золотит мощные зубцы башен и колонны великолепных дворцов, выстроенных за несколько месяцев, как можешь ты сомневаться, что нам помогало волшебство?

Он умолк. Мы все были убеждены, что джинны помогли нам возвести город. Помолчав, Артур Уэлсли продолжил:

– Итак, если джинны выстроили для нас город, разве они не помогут нам обратиться к соотечественникам, дабы защитить их творение от врага?

Он вновь умолк, потому что своды задрожали и зал наполнился дымом. Земля разверзлась, и раздался глас:

– Когда солнце взойдет над верхушками восточного леса, будьте на краю зловещей пустыни. Если не придете, я сотру вас в пыль.

Глас умолк, бездна, разверзшаяся в полу, сомкнулась, а дым рассеялся. У нас не было времени, чтобы совещаться. Близилась полночь, а от пустыни нас отделяли десять миль. Мы с герцогом Йоркским во главе немедля выступили из дворца и достигли пустыни примерно к четверем часам утра. Здесь мы остановились. Далеко на востоке длинной мрачной

полосою чернел лес. На севере Джебель-Кумр, Лунные горы⁵, мгlistым поясом охватывали Дагомейскую равнину. На юге африканские берега охранял простор океана. На востоке перед нами лежала пустыня.

Через несколько минут от песков поднялся густой пар и постепенно принял форму джинна, который ростом превосходил любых великанов. Он двинулся к нам и зычно вскричал:

– Следуйте за мной!

Мы подчинились и вступили в пустыню. Шли долго. Около полудня джинн приказал нам оглядеться. Мы были теперь примерно в середине пустыни. Ни близко, ни далеко не было ничего, кроме бесконечных песков под палящим солнцем и безоблачным небом. Мы смертельно устали и потому стали умолять джинна дозволения сделать привал, но тот велел нам сейчас же идти вперед. Мы тронулись и шли, пока солнце не закатилось, а на востоке не засияла бледная луна. Зажглись несколько тусклых звездочек, однако пески были все так же горячи и ноги у нас сильно распухли.

Наконец джинн приказал нам остановиться и лечь. Мы тут же заснули и проспали около часа, после чего джинн разбудил нас и велел идти дальше.

Луна поднялась уже высоко и ярко сияла в середине небес – куда ярче, чем у нас на родине. Ночной ветер немного осту-

⁵ *Джебель-Кумр* – арабское название описанных античными учеными Лунных гор, в которых, как полагали, находятся истоки Нила.

дил пустынные пески, так что идти стало легче, однако вскоре сгустился туман, окутавший всю равнину. Впрочем, мы различали сквозь него смутный свет, а равно и звуки музыки, доносящиеся с большого расстояния.

Когда туман рассеялся, свет стал отчетливее и наконец вспыхнул почти нестерпимым великолепием. Среди голой пустыни выросли алмазные чертоги с колоннами из изумрудов и рубинов, озаренные лампами столь яркими, что на них не было сил смотреть. Джинн ввел нас в сапфировый зал, где стояли золотые троны. На тронах восседали Верховные Джинны. Посреди зала висела лампа, подобная солнцу. Вокруг стояли джинны, а за ними феи; одеяния их были из золота, усыпанного алмазами. Увидев нас, Верховные Джинны тут же вскочили с тронов, и одна из них, схватив Артура Уэлсли, воскликнула:

– Это герцог Веллингтон!

Артур Уэлсли спросил ее, почему она назвала его герцогом Веллингтоном.

Джинна ответила:

– Восстанет владыка – разоритель Европы и шип в боку Англии. Ужасна будет борьба между сим вождем и вами! Много лет продлится она, а тот, кто одержит верх, стяжет себе неувядаемые лавры. Так же и побежденный; хоть он окончит скорбные дни в изгнании, с гордостью будут соплеменники вспоминать его имя. Слава победителя достигнет всех концов земли. Императоры и цари возвеличат его, Ев-

ропа восславит своего избавителя, и пусть при жизни глупцы будут ему завидовать, он их превозможет, и по смерти имя его останется в веках!

Когда джинна закончила речь, мы услышали далекую музыку: она приближалась и приближалась, пока нам не стало казаться, будто невидимые музыканты находятся в самом зале. Тогда все феи и джинны вплели свои голоса в мощный хор, который вознесся к величественному куполу и мощным колоннам дворца джинов, огласив даже его глубочайшие подземелья, а потом начал постепенно стихать и наконец умолк совсем.

Когда музыка прекратилась, дворец медленно растаял в воздухе, а мы остались одни в пустынном тумане. Солнце как раз начало озарять землю, а луна поблекла, однако под ними, сколько хватал глаз, были одни пески. Мы не знали, куда нам идти, и от голода готовы были лишиться чувств, но, оглядевшись, увидели на песке финики и бутылку с пальмовым вином. Позавтракав, мы вновь задумались, куда идти, но тут в пустыне перед нами явилась торная дорога; по ней мы и двинулись.

Примерно к полудню, когда солнце было в зените и мы совсем обессилели от зноя, впереди показалась пальмовая рощица. Мы бегом устремились к ней. Отдохнув под сенью деревьев и подкрепившись плодами, мы возобновили путь и вечером того же дня, к своей несказанной радости, вступили в ворота нашего прекрасного города, под кровлями которого

и заснули в ту ночь.

Глава 4

Вести с родины

На следующее утро нас разбудил звук труб и огромных боевых барабанов. Взглянув на горы, мы увидели спускающееся на равнину бесчисленное войско ашанти. Все совершенно растерялись, кроме Артура Уэлсли, который посоветовал нам встать к пушкам на крепостных стенах, не сомневаясь, что если сами мы не прогоним врагов ядрами и петардами, то джинны непременно придут нам на выручку. Мы тут же последовали его совету. Ашанти тем временем неслись стремительным потоком, сметая все на своем пути, сжигая пальмы и разоряя рисовые поля.

Когда они подступили к нашим стенам, то заорали страшными голосами, что сотрут нас с лица земли и разрушат наш город до основания, потому что он возник по волшебству и по волшебству должен исчезнуть. На эти дерзкие речи мы ответили пушечным громом. Двое неприятелей упали мертвыми, остальные припустили к горам, так что пятки засверкали. Вдогонку им неслись наши торжествующие крики.

Вечером они вернулись и в самых униженных выражениях попросили отдать им тела убитых товарищей. Мы исполнили просьбу, а они в благодарность разрешили нам присутствовать на погребении.

Через несколько дней, 11 сентября, Рональд вбежал во

Дворец правосудия, где все мы сидели, и крикнул, что прибыл корабль из Англии. Герцог Йоркский тут же отправил Артура Уэлсли проверить, так ли это.

Придя на берег, тот обнаружил, что команда – пятьдесят человек – уже высадилась. Корабль их был почти совершенно разбит. Артур Уэлсли задал морякам несколько вопросов. Они очень удивились, что он здесь, и принялись расспрашивать, как ему удалось выжить в таком краю. Он пригласил их следовать за собой.

Когда Артур Уэлсли привел моряков во Дворец правосудия, герцог Йоркский велел им поведать свою историю.

Они закричали:

– Нас прибило к берегу штормом, и мы просим вас о приюте.

Герцог Йоркский ответил:

– Собратья-англичане! Мы рады, что вас прибило штормом к нашему берегу, и охотно дадим вам приют.

Моряки пробыли у нас недели две. За это время джинны починили их корабль, и они отправились в Англию, взяв с собой Артура Уэлсли.

Примерно десять лет мы продолжали воевать с чернокожими, после чего заключили мир, и в следующие десять лет не произошло ничего, достойного упоминания.

16 марта 1816 года в городе прозвучал голос: «Поставьте дозорного на Южную башню, ибо завтра в ваши ворота вступит победитель!»

Герцог Йоркский немедленно отрядил Генри Клинтон на высочайшую башню города. Около полудня Клинтон закричал: – Я что-то вижу далеко в Атлантике!

Мы все взбежали на сторожевую башню и, всмотревшись в океан, различили на горизонте темное пятнышко. Когда оно приблизилось, стало ясно, что это флот. Наконец корабли бросили якорь, и команда начала высаживаться на берег. Сперва сошли двенадцать полков кавалерии, потом три полка пехоты и несколько офицеров высокого ранга, которые явно составляли свиту некоего крупного военачальника. Наконец высадился и сам генерал. Некоторые из нас заметили в нем сходство с Артуром Уэлсли.

Выстроив свои полки, он приказал им двигаться вперед, и вскоре они вошли в ворота города. Перед башней они остановились, и генерал голосом Артура Уэлсли произнес:

– Хилл, оставайтесь с войском, пока я схожу во Дворец правосудия. Думаю, если эта земля еще обитаема, то все должно быть там. А вы, Бересфорд, можете пойти со мной.

– Нет, нет, мы все здесь, Артур, до смерти перепуганы, что ты сожжешь башню и разграбишь город! – воскликнул герцог Йоркский, когда мы спустились из нашего укрытия.

– Так вы все здесь, никто из вас не погиб в бою и не умер в больнице? – промолвил его светлость, спрыгивая с боевого коня и по очереди пожимая нам руки. – Сейчас же идем в «Большую гостиницу» и в Фердинандо-Холл, храбрые мои товарищи! Там мы расскажем друг другу, что испытали и что

совершили с нашей последней встречи.

– Скажите, ваша светлость, в какой части города разместить армию? – спросил один из офицеров.

– О, за армию можете не опасаться, Мюррей, мы не в Испании. Пусть все идут за мной.

– Всем следовать за его светлостью герцогом Веллингтоном! – крикнул Мюррей.

– Его светлость герцог Веллингтон? – в один голос изумленно переспросили мы.

– Да, его светлость герцог Веллингтон, – ответил другой офицер. – Не знаю, кто вы такие, но наш доблестнейший генерал – победитель Наполеона и освободитель Европы.

– Значит, джинны не всегда лгут, – сказал Маркус О’Донелл, – и я очень этому рад. Я всегда думал, герцог, что за время отсутствия ты чем-нибудь прославишься.

– Чем-нибудь! – презрительно фыркнул Мюррей.

– Мюррей, – сурово произнес его светлость. – Если вы немедленно не извинитесь перед этим джентльменом, я отдам вас под трибунал.

Мюррей тут же подошел к О’Донеллу и сказал:

– Сэр, я очень сожалею о моей глупой дерзости и обещаю не оскорблять вас впредь.

– Отлично сказано, Мюррей, – промолвил герцог. – А теперь обменяйтесь рукопожатиями и будьте друзьями. Я ненавижу гражданские войны.

К тому времени мы подошли к «Большой гостинице» –

превосходнейшему зданию, способному вместить двадцать тысяч человек. Вскоре мы уже сидели в зале и слушали рассказ Бересфорда о том, как Европу освободили из-под ига деспота, о славной победе, прогремевшей на весь цивилизованный мир, о великолепных торжествах по указанному случаю и о том, как в этой связи Англию почтили своим присутствием все величайшие монархи Европы. Мы бы слушали дольше и еще много всего узнали, если бы полуночный колокол не возвестил, что пора спать.

Через несколько дней герцог Йоркский выразил желание вернуться на родину, для чего ему и предоставили корабль с командой из двадцати человек.

Теперь в городе было пятнадцать тысяч жителей, и мы решили выбрать себе короля. 14 июня 1827 года во Дворце правосудия собрался всенародный совет. Вкруг трона сидели Маркус О'Донелл, Ф. Кортес, Г. Клинтон, Г. Данелли, Гарольд Фицджердж и герцог Веллингтон со свитой. Все были в величайшем волнении: каждый хотел знать, кого предложат королем, ибо на сей счет не было никаких сведений или даже намеков. Наконец двери закрылись, и Кортес объявил, что весь народ в сборе. Тогда Стюарт поднялся с места и произнес:

– Я утверждаю, что благороднейший фельдмаршал Артур, герцог Веллингтон, более всех достоин воссесть на трон нашего королевства.

Веллингтон встал. В зале наступила полнейшая тишина.

Он произнес следующее:

– Воины! Я буду защищать то, что вы мне доверили.

Засим, поклонившись совету, он удалился под громогласные изъявления бурной радости.

Ш. Бронте

Приключение в Ирландии

Эта история случилась со мною во время путешествия по южной Ирландии. Как-то августовским вечером, после долгой пешей прогулки, я спустился с горы, стоящей над деревушкой Кэр, и внезапно увидел красивый старинный замок. Он был каменный, перед ним текла река, а позади темнел лес. Через реку был перекинут мост, ведущий к замку.

Поднявшись на мост, я остановился полюбоваться видом. Далеко внизу расстилалась широкая водная гладь; даже легкая рябь не морщила отраженную в ней бледную луну. В долине виднелась россыпь домишек, именуемая Кэр, а дальше вставали горы Киллани. На все это бесшумно и почти незаметно напоздало одеяние сумерек. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь гулом далекой деревни и нежной соловьиной песнью в лесу.

Покуда я созерцал эту дивную картину, джентльмен, которого я прежде не заметил, обратился ко мне со следующими словами:

– Добрый вечер, сэр! Вы чужак в этих краях?

Я ответил утвердительно. Тогда он спросил, где я остановлюсь на ночлег. Я сказал, что намереваюсь заночевать в деревне.

– Боюсь, там вы найдете очень бедное пристанище, – промолвил джентльмен. – Однако, если вы согласитесь остано-

витья у меня в замке, я буду рад предложить вам кров.

Я с благодарностью принял его любезное предложение.

Когда мы пришли в замок, он провел меня в очень большую гостиную, где в кресле у камина сидела с вязаньем пожилая дама. На коврике лежала очень красивая черепаховая кошка. Едва мы вошли, старуха встала, и когда мистер О'Каллахан (так звали моего нового знакомца) объяснил, кто я, она ласково пригласила меня располагаться как дома.

Из разговора выяснилось, что она – мать мистера О'Каллахана, а его отец умер примерно год назад.

Мы беседовали около часа, затем подали ужин. После ужина мистер О'Каллахан спросил, не хочу ли я лечь. Я ответил, что хочу, и он отправил мальчика-слугу показать мне спальню. Это была чистенькая и уютная комнатка, обставленная в старинном вкусе; она располагалась на верхнем этаже замка. Едва мы туда вошли, мальчишка – судя по всему, смысленый и доброжелательный – заметил, пожав плечами:

– Вот где бы я не остался ночевать ни за какие коврижки!

– Почему? – спросил я.

– Говорят, – отвечал мальчик, – в этом кресле иногда сидит призрак старого хозяина.

– Ты его видел?

– Нет, но часто слышал, как он моет руки вот в этом тазу.

– А как тебя звать, дружок?

– Дэннис Малреди, с вашего позволения, сэр.

– Ну что ж, доброй тебе ночи.

– Доброй ночи, сэр, и да хранят вас святые от всех фей и домовых, – сказал Дэннис и вышел из комнаты.

Улегшись в постель, я сразу задумался над словами мальчика, и, признаюсь, мне стало не по себе, поскольку раз или два я вроде бы различил в полумраке что-то белое. Наконец, призвав на помощь разум, я пересилил то, что иные назвали бы пустыми бреднями, и заснул.

Примерно через час меня разбудил странный звук, и, раздвинув балдахин, я увидел скелет в белом саване. Я хотел закричать от ужаса, но язык прилип к гортани, а все тело билась сильная дрожь. Низким глухим голосом скелет обратился ко мне: «Встань, чтобы я показал тебе чудеса сего мира», – и в тот же миг меня окутали тучи и мгла. Однако вскоре моего слуха коснулся грохот падающей воды, и я увидел облака брызг от водопадов, с грозным величием низвергающихся в пропасть и клокочущих внизу, как если бы их струи обрели беспокойное пристанище в котле некоего исполина.

Впрочем, вскоре сцена переменилась. Я стоял в Краконских рудниках, среди высоких столпов и величественных арок, сиянием красоты превосходящих любой дворец фей. Света было мало, лишь фонари несчастных рудокопов, чьи грубые лица являли разительный контраст ослепительному великолепию подземных залов. И все же посреди этого дивного блистания я ощущал неопишуемый ужас, ибо над нами бушевало море и, судя по яростному завыванию ветра и грозному плеску валов, там разыгрался сильнейший шторм.

Замшелые столпы стенали под тяжестью океана, и сверкающие арки готовы были рухнуть под его весом. Услышав рев воды и увидев катящийся на меня могучий поток, я закричал от ужаса.

В тот же миг все исчезло. Я очутился в пустыне, среди голых скал и высоких гор. Подходя к скале, в которой была большая пещера, я споткнулся и упал. Тут же раздалось глухое рычание, и в темноте пещеры сверкнули глаза льва, пробужденного от царственной дремы. Пустыня огласилась ликующим рыком, с которым зверь прыгнул на меня, разевая пасть...

– Ну, хозяин, ночка выдалась ветреная, зато теперь распогодилось, – сказал Дэннис, открывая занавески и впуская яркий свет утреннего солнца в маленькую старинную спальню на верхнем этаже замка О'Каллахан.

Ш. Бронте

28 апреля 1829 года

История островитян

I

Игра в островитян началась в декабре 1827 года следующим образом. Однажды вечером, примерно в ту пору, когда ноябрьские холодные дожди и унылые туманы сменяются метелями и пронизывающими ветрами зимы, прочно вступившей в свои права, мы сидели на кухне у ярко пылающего огня. Только что завершился наш спор с Табби, уместно ли будет зажечь свечу, из которого Табби вышла победительницей – свечи мы не получили. Довольно долго все молчали, потом Брэнуэлл сказал лениво: «Я не знаю, что мне делать». Энн и Эмили подхватили.

Табби:

– Можете пойти спать.

Брэнуэлл:

– Что угодно, только не спать!

Шарлотта:

– Вы сегодня такие кислые. А что, если представить, будто у нас у каждого есть по острову?

Брэнуэлл:

– Тогда бы я выбрал остров Мэн.

Шарлотта:

– А я – остров Уайт.

Эмили:

– Мой будет остров Арран.

Энн:

– А мой – Гернси.

Шарлотта:

– У меня главным будет герцог Веллингтон.

Брэннуэлл:

– А у меня – Херрис⁶.

Эмили:

– У меня – Вальтер Скотт.

Энн:

– У меня – Бентинк⁷.

Тут, увы, часы пробили семь и нас всех отослали спать.

На следующий день мы добавили еще по нескольку человек к спискам имен, включив туда почти всех заметных людей страны.

Потом довольно долго ничего примечательного не случилось. В июне 1828-го мы воздвигли на вымышленном острове школу для тысячи детей. Вот как это выглядело. Остров имел пятьдесят миль в поперечнике и уж точно больше походил на колдовскую страну или дивную выдумку, чем на обы-

⁶ *Джон Чарлз Херрис* (1778–1855), британский политик, тори, в 1827–1828 гг. – канцлер казначейства.

⁷ *Лорд Уильям Генри Кавендиш-Бентинк* (1774–1833) – британский государственный деятель, виг, генерал-губернатор Индии в 1828–1835 гг.

денную реальность. Некоторым частям острова зловещее великолепие придавали острые скалы, стремительные потоки и ревущие водопады; там и сям высился расколотый молнией или засохший от старости дуб, и, словно в напоминание одиному путнику о том, каким был когда-то дряхлый исполин, вокруг серого ствола вился молодой побег. В других частях зеленела трава, ручьи журчали среди цветущих лужаек или приветливых лесов, в которых, по слухам, обитали феи. По опушкам вышитым ковром пестрели лиловые и желтые примулы, а воздух был напоен сладким ароматом полевых цветов и звенел от голосов кукушки и горлицы, от звонких трелей дрозда.

Особой примечательностью дворцовой школы был превосходный большой парк; красивое чередование холмов и долин разнообразило ландшафт, который без этого мог бы показаться несколько монотонным. Холмы венчались тенистыми рощами, по равнинам вились чистые ручьи, орошая берега, так что их зелень становилась еще пышнее; прозрачные озера, над которыми нависали плакучая ива, изящная лиственница, величественный дуб и вечнозеленый лавр, поблескивали, словно оправленные в изумруд зеркала некоего исполина. Утверждали, что часто, когда все затихает, над самым красивым из этих озер слышится волшебная музыка, и крохотная барка сандалового дерева, с янтарной мачтой, шелковыми вантами и парусами, с веслами слоновой кости скользит по безбурной глади; ее миниатюрные пассажиры

собирают кувшинки, а затем, пристав к берегу, расправляют прозрачные крылышки и пропадают при звуке человеческих шагов, словно утренний туман под лучами солнца.

Над прекрасной рощей морозника и вьющейся жимолости встает величавый беломраморный дворец, чьи изящные колонны и высокие башенки кажутся творением могущественных джиннов, а не слабых человеческих рук. Поднявшись по мраморным ступеням, вы через парадные двери попадаете в огромный зал с коринфскими колоннами белого мрамора. Посреди зала колоссальная статуя держит в каждой руке по хрустальной вазе, из которой бьют водяные струи; рассыпавшись мириадами алмазов и жемчугов, они падают в чашу чистого золота и уходят в отверстие, чтобы вновь забить в других частях парка искристыми фонтанами. От них берет начало множество ручейков, питающих реку, которая бежит в океан.

Дальний конец зала украшают апельсиновые деревья с золотыми плодами и благоуханными цветами, часто на одной ветке. Из зала вы попадаете в другой роскошный и просторный покой, где стены задрапированы малиновым бархатом, а под высоким куполом висит прекраснейшая люстра червонного золота с подвесками из чистого хрусталя. Два камина палевого итальянского мрамора стоят по противоположным его стенам; колонны у них рифленые, а их коринфские капители увиты золотыми венками. Отсюда можно пройти в комнату поменьше, но чрезвычайно изысканную, с маленькими

колоннами белого мрамора; диваны здесь обтянуты голубым бархатом, расшитым серебряными цветами.

А теперь от великолепных залов и роскошных гостиных я должна перейти к описанию сцен совершенно иного рода. В зале с фонтаном, за статуей, есть маленькая дверца, скрытая портьерой белого шелка. Она открывается в каморку с огромной железной дверью в дальней стене. Дверь эта ведет в длинный темный коридор, заканчивающийся лестницей в подземную темницу, которую я сейчас опишу.

Это огромное сводчатое помещение; асфальтовая лампа озаряет тусклым мертвенным светом лишь малую его часть – все остальное покрыто тьмой и мраком. Посредине четыре столпа черного мрамора поддерживают плиту из того же камня. В дальнем конце висит железный трон. В разных частях темницы можно видеть орудия пыток, ибо здесь несправеднейшие из судей вершат расправу над мерзкими босяками: К. Н. и его шайкой, С., Т. О. Д. и остальными. Отсюда есть двери в камеры, предоставленные в личное безраздельное пользование Хэлу Штукарю, босякам и непослушным школьникам. Камеры эти темные, сводчатые и расположены так глубоко под землей, что сколько ни кричи – наверху не услышат; самые жестокие истязания могли бы твориться здесь безнаказанно, не будь ключи от темницы у меня, а от камер – у Эмили, а железные двери нельзя ни выломать, ни открыть другими ключами, кроме наших.

Дети, живущие в этом великолепном дворце, все сплошь

из знатнейших родов королевства; исключение делается только для таких, как Джонни Локкарт. Управляет школой под нашим началом герцог Веллингтон, но должность эта чисто номинальная и почетная, потому что на нашу просьбу стать директором его светлость ответил следующим письмом:

Маленькие король и королевы (таковы наши титулы), сожалею, что деятельность военного и политика не позволяет мне взять на себя попечение о сотнях, не говоря уже о тысячах детей, если должность эта не будет чисто номинальной и мне не предоставят несколько десятков заместителей.

С каковой просьбой остаюсь вашим покорным подданным,

В.

Просьба его светлости была удовлетворена.

За порядком среди детей и за их прогулками надзирают маркиз Доуро и лорд Чарлз Уэлсли. Правила у этих воспитателей своеобразные: они водят подопечных в самые дикие и опасные части острова, прыгают по скалам, через пропасти и расселины и нимало не заботятся, идут школьники за ними или отстали, так что после каждой прогулки недосчитываются десятка питомцев – их находят через несколько дней в канавах и зеленых изгородях с поломанными ногами и разбитыми головами, так что сэру А. Хьюму, сэру Э. Куперу и сэру Г. Хэлфорду предоставляется отличная возможность

продемонстрировать различные методы вправления костей и трепанации черепа.

Обязанность колотить детей за дурное поведение возложена на полковника О'Шонесси и его племянника Фогарти, что те и делают очень толково и старательно по поводу и без повода. Я забыла упомянуть, что у Брэннуэлла есть черная дубинка, которой он иногда лупит школьников, да еще как! На этом про детей пока все.

Еще среди наших островитян есть Бейнсы: три брата Т., Э. и Т., известные также под именами Толтол, Неднед (или иногда Крысн) и Томтом. Это самая шкодливая троица на свете. Тол примерно два фута от земли, Нед вполовину ниже брата, а рост Тома составляет три четверти от роста Неда. Тол носит адвокатскую мантию и большой парик до пят, в который закутывается целиком; Крысн щеголяет в куске дерюги, который подвязывает веревкой на шее и на ногах, так что торчат как будто уши и хвост; Том одет репортером.

С год назад, когда мы гуляли в одном из лесов великолепного поместья Стретфилдси⁸, у нас за спиной вдруг раздался тоненький голосок:

– Сегодня бушевала буря, теперь же лазурный небосвод сокрыт за темными тучами, и мрак озаряют лишь вспышки молний, подобные слову «мечь» среди черных клубов ненависти, затмивших светлую зарю вигов! И я избран стать их мстителем! Да, эта рука (тут из листвы высунулась руч-

⁸ *Стретфилдси* – гемпширское поместье герцога Веллингтона.

ка чуть больше дюйма длиной) изошьет возмездие вигов на главу сурового герцога, в чьих владениях я сейчас нахожусь. Я заставлю жестоковыйного гордеца склониться во прах! Да здравствует народовластие!

Зашуршав травой, которая была выше его макушки, злобное существо устремилось к воротам парка, однако здесь его ждала неодолимая преграда: привратником был старый солдат, прошедший с герцогом все войны и все сражения. Если бы он увидел Неда, то принял бы за крысу и поступил соответственно. Нед обернулся и, увидев нас, сказал:

– Маленькие королевы, вы откроете мне ворота?

Нам было интересно, чем закончится приключение, поэтому мы взяли Крысна и перебросили через высокую парковую стену, а затем постучали.

Маленькая королева:

– Пожалуйста, Ординарец,пусти нас.

Ординарец:

– Я должен прежде узнать, кто вы.

Маленькая королева:

– Мы маленькие королевы.

Ординарец:

– Так это вы? Тогда заходите.

С этими словами он распахнул ворота, и мы вошли. Крысн стремглав припустил в парк и едва избежал смерти под копытами гуляющего оленя. Впрочем, теперь перед ним была новая преграда: река, неспешно змеящаяся через парк.

Крысн замер, вертя головой. За ним был высокий холм, покрытый густым лесом, откуда он только что вышел. Среди темно-зеленой листвы колыхались ветви пурпурных буков и покачивались кроны белого тополя. Вправо и влево тянулся великолепный парк, за которым лежали пространные уголья славного герцога, впереди высилась роскошная усадьба Стретфилдси, а прямо под ногами текла река. На противоположном берегу олень, склонив величавые рога, пил чистую воду из медленно катящегося потока. Соловей в ветвях молодого дуба у самой реки как раз обратил первые трели к молодой луне, бледным серебристым серпом встающей на востоке. Садящееся солнце заливало округу своим дивным сиянием, превращая все в расплавленное золото.

Казалось, будто Крысна тронула представшая ему восхитительная картина. Некоторое время он стоял неподвижно, затем встрепенулся и с криком: «Не робей, Крысн!» – прыгнул в реку. Переплыв ее, он выбрался на противоположный берег и с немислимой быстротой пробежал через парк в дом, мигом одолел вестибюль, галерею, лестницу и оказался в герцогской библиотеке. Здесь никого не было, а на столе стояла чашка с водой. Крысн всыпал в нее что-то, от чего цвет воды не изменился, потом спрыгнул на пол и, подбежав к лежащей на ковре книге, спрятался за ней.

Тут в галерее послышался звук шагов. Дверь отворилась. Вошел высокий человек с видом и осанкой полководца, а следом второй – тоже высокий, но притом чрезвычайно до-

родный. Первый был герцог Веллингтон, второй – сэр Александр Хьюм. Герцог взял с полки книгу, сел, после чего между ним и доктором произошел следующий разговор:

Веллингтон:

– Хьюм, что вы думаете об «Истории Наполеона» Вальтера Скотта?

Хьюм:

– Желает ли ваша светлость, чтобы я принял в рассуждение, что сочинитель – штафирка?

Веллингтон:

– Да.

Хьюм:

– Что ж, я считаю, что для штафирки он пишет исключительно хорошо.

Веллингтон:

– Так вы полагаете, в этой книге есть что-то дельное?

Хьюм:

– В ней много дельного, милорд.

Веллингтон:

– Это очень высокая оценка.

Хьюм:

– Вы считаете, что я чрезмерно ее хвалю?

Веллингтон:

– О нет.

Хьюм:

– Мне бы не хотелось излишне хвалить штафирку.

Следующие полчаса прошли в молчании, однако герцог так и не притронулся к воде. Крысн начал терять терпение и уже опасался за успех своего предприятия. Наконец герцог взял чашку и выпил ее до дна. Крысн еле сдержался, чтобы не завопить от радости. В эту самую минуту Хьюм произнес:

– Я всегда придерживался убеждения, что пить холодную воду бесполезно.

Несколько минут спустя он воскликнул:

– Милорд, вам дурно? Как вы побледнели! Я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так сильно бледнел!

Тут Крысн закричал:

– Он теперь всегда будет такой бледный!

Герцог устремил на него суровый взгляд, и Крысн, трепеща, забился обратно в угол.

– Милорд, вы умираете? Звоните в колокольчик, маленькие королевы!

Черты его светлости исказила мучительная судорога, книга выпала из рук, и он бессильно осел в кресле. В то же мгновение раздался громкий крик и шум ветра. Перед нами вырос облачный великан. Он коснулся герцога, и к тому сразу вернулась жизнь. Герцог встал и твердым голосом спросил великана, как его имя. Великан громко ответил: «Тайна!» – и растаял в воздухе.

После этого герцог велел всем удалиться. Через несколько дней Крысн сыскался в Лидсе. Он сидел в отцовском доме, бледный от страха и полумертвый, но как он туда попал,

неизвестно. Никаких объяснений от него добиться не смогли, так что воистину сие происшествие доныне сокрыто тайной.

Принц Леопольд и сэр Джордж Хилл издавна ненавидели маркиза Доуро и лорда Чарлза Уэлсли. Принц Леопольд, как всем известно, очень гадкий человек, которого никто не любит из-за его пронырливости. Сэр Джордж Хилл отважен и прям, правда, склонен к азартным играм и чересчур презирает штатских. Позже высказывалось мнение, что он только для забавы притворяется, будто терпеть не может Артура и Чарлза Уэлсли, – скорее всего, так оно и есть.

Как-то мы с Эмили поздно вечером в непогоду шли через лес к школе. Внезапно луна выглянула из-за туч, и перед нами что-то блеснуло. В следующий миг луна спряталась, и больше мы не видели ничего, кроме очень темного облака. Тут знакомый голос проговорил:

– Зря мы сюда пошли, Артур! Что скажет отец, если узнает? А ветер и дождь такие, что я скоро совсем замерзну.

– Поплотнее закутайся в свой меховой плащ, Чарлз, и давай прислонимся вон к тому старому дереву, а то меня уже ноги не держат. Небо сплошь затянуто тучами, и как же тоскливо завывает ветер!

– Артур, что там за звук? Прислушайся.

– Это ворон, Чарлз. Я не суеверен, но помню, бабушка говорила, что ворон накаркивает беду.

– Если мы сегодня погибнем, Артур, – а вспомни, мы пришли сюда по зову двух наших злейших врагов, – то что будет с матушкой и с отцом?..

Тут они оба зарыдали, и мы тоже различили пронесшийся по лесу жуткий и непривычный звук.

– Что с нашими собаками, Артур? Они умирают?

– Нет, Чарлз, но говорят, что собаки тоже воют к чьей-нибудь смерти.

– К смерти, Артур! Но прислушайся опять к ворону. Ой, как же здесь страшно!

– Тихо, Чарлз! Они идут.

Между деревьями блеснул фонарь, и на дорогу вышли двое. Один из них был высокий и худошавый, но лицо его выражало сочувствие, когда он проговорил:

– Бедняги! Хоть я и не питаю к вам большой любви, мне жаль, что вам пришлось так долго ждать под дождем в промозглую ночь...

Второй – гадкий и отвратительный уродец – только сощурился.

– Принц Леопольд и сэр Джордж Хилл, мы готовы за вами следовать, только не торопитесь, потому что мы не в силах идти быстро.

– Тогда вперед.

Все четверо тронулись в путь, а мы пошли за ними. В свете фонаря мы различили, что у маркиза Доуро и лорда Чарлза Уэлсли с собою две гончих. Выбежав из леса, собаки

страшно завывали. Принц Леопольд задрожал от ужаса, а лорд Чарлз погладил псов, и те жалобно заскулили. На какое-то время все умолкли, затем двинулись дальше. Довольно долго мы карабкались по крутым скалам и прыгали через канавы – и наконец оказались на вересковой пустоши. Тут гончие встали как вкопанные и вновь огласили местность протяжным воем, и немедля издалека донесся такой же звук, только еще более низкий и устрашающий.

– Велите своим псынам заткнуться, не то я сам ими займусь, – сказал сэр Джордж.

– Если тронете их, пеняйте на себя, Хилл, – ответил Артур. – Они могут вас покусать.

Леопольд от страха дышал часто-часто.

– Идемте, ребята! – крикнул сэр Джордж и глухо расхохотался – эхо ответило ему с десятикратно усиленной злобой. В тот же миг раздалось хлопанье крыльев и вещее карканье. – Это еще что такое?

– Это ворон! – ответил Леопольд, от трусости едва не лишаясь чувств.

– О! Давайте поспешим под крышу, ибо ночная тьма сгущается, дождь стал еще сильнее, а ветер проносится по этой дикой и бесприютной пустоши все более ужасающими порывами.

Они продолжили путь. Скоро вдали показался огонек. С их приближением он пропал, но в свете фонаря мы различили домик – маленький и, судя по всему, заброшенный. Они

вошли внутрь, и мы последовали за ними через дверь, полу-сгнившую от времени и сильно поломанную, – видимо, ее не раз вышибали.

– И сюда вы намерены нас отвести? – воскликнул маркиз Доуро.

– О нет, но я подумал, что у вас нет сил идти дальше, а здесь вы сможете передохнуть. К тому же мы почти наверняка обнаружим внизу наших друзей, – сказал сэр Джордж, открывая дверь, за которой начиналась узкая лестница вниз. Спустившись по ней, они увидели еще одну дверь и услышали голоса и смех множества людей. Сэр Джордж дернул за ручку, и тут же изнутри хлынули яркий свет и тепло, казавшиеся почти невероятными после долгого пребывания в сырой тьме. Подвал, куда они вступили, был сводчатый, штукатурка во многих местах осыпалась. В очаге жарко пылал торф, на скамьях вокруг огня сидело множество офицеров, в том числе маркиз А., лорд К. А. У. и Г. Б. Некоторые играли в карты, другие пили и горланили песни. Едва маркиз Доуро и лорд Чарлз Уэлсли это увидели, они воскликнули:

– Мы не сделаем и шагу дальше и скорее проведем ночь на пустоши, хоть бы и ценою жизни, чем в этом гнусном месте, а если вы попытаетесь нас остановить, то вам же будет хуже!

– Вот как? – спросил Леопольд и разразился визгливым смехом.

Братья позвали собак, но те не появились. Тогда Леопольд повалил их на пол, связал по рукам и по ногам и заткнул

им рты кляпом, а затем, подсев к сборищу у огня, принялся петь и разговаривать так же громко и весело, как все остальные. Однако посреди этой гульбы на лестнице внезапно раздались шаги, дверь распахнулась, и вошли двое. Следом за ними вбежали три огромных пса. Одного из вошедших все сразу узнали по суровой внешности и сверканию глаз, с которым он гневно спросил: «Где мои сыновья, негодяи?» То был герцог Веллингтон. От изумления никто не мог вымолвить и слова, пока герцог не повторил свой вопрос и еще более гневно не потребовал ответа. Тогда Леопольд, трепеща, проговорил:

– Они здесь.

– Здесь! Ты, жалкий подлец! – сказал его светлость и пинком отбросил Леопольда к противоположной стене, затем, подойдя к углу, на который тот указал, развязал сыновей, освободил их от кляпов и поставил на ноги. Они, впрочем, не могли стоять и тут же опять рухнули на пол. Тогда его светлость повернулся к остальным и произнес тоном, не допускающим возражений: – Я приказываю вам немедленно покинуть это место, и если вы когда-нибудь еще сюда вернетесь, то будете жестоко наказаны.

Негодяи пулей вылетели за дверь, взбежали по лестнице и со всех ног припустили прочь. Тем временем второй из вошедших – это был доктор Хьюм – дал Артуру и Чарлзу какое-то лекарство, от которого у них сразу прибавилось сил; теперь они могли стоять и даже идти. Тогда герцог спросил,

как они сюда попали. Тут-то мы выбрались из укрытия и подробно объяснили, как все было, а потом полюбопытствовали у его светлости, откуда он узнал, что Чарлз и Артур здесь. Его светлость ответил, что шел в школу, сопровождаемый Хьюмом и своей гончей. Внезапно ему почудился вой собак, принадлежащих сыновьям, на который тут же отозвался его собственный пес. Пройдя еще с милю, герцог встретил поселянина, и тот сказал, что видел его сыновей на пустоши в обществе Джорджа Хилла и принца Леопольда. Тогда, невзирая на поздний час, герцог зашагал к пустоши, но на полпути к нему подбежали собаки сыновей, которые и вывели его к заброшенному дому.

Закончив рассказ, его светлость встал и направился к двери. Артур и Чарлз последовали за ним. Они поднялись по узкой темной лестнице и с изумлением увидели, что сквозь щели в двери бьет встающее солнце. Воистину ободряющее зрелище предстало им снаружи. Вместо серых туч над головой сияла безоблачная лазурь, в которой еще различался прозрачный серп молодой луны. Великолепное солнце вставало над горизонтом, и капли вчерашнего дождя на благоуханных травах искрились алмазами в его рассветных лучах. Несколько горных баранов при виде людей прыгнули в рассыпную и, выбравшись на скалы, застыли там, поглядывая на нас с безопасного расстояния. Жаворонок при нашем приближении взмыл с мшистого ложа и принялся выводить утреннюю песнь; чем выше он поднимался в небесную синь, тем сла-

достнее становились его трели, пока не сделались совершенно неразличимы. Вскоре все подошли к краю пустоши и часам к девяти, целые и невредимые, добрались до школы. Так закончились приключения герцога, маркиза и лорда в заброшенном домике.

II

Глава 1

В предыдущем томе я поведала о школе, о том, как она управляется, и назвала главных воспитателей. Здесь я продолжу этот рассказ.

Какое-то время после учреждения школы дела в ней шли очень хорошо. Все правила скрупулезно соблюдались, воспитатели с похвальным прилежанием исполняли свои обязанности, и дети уже начали походить на цивилизованных существ, по крайней мере внешне: азартные игры сделались менее частыми, драки – не столь жестокими, появилось хоть какое-то уважение к порядку и чистоте. В то время мы постоянно жили в великолепном школьном дворце, и прочее руководство тоже, не оставляя все на попечение младших надзирателей и слуг. Большой зал стал местом отдыха всех великих министров в часы их досуга (то есть по вечерам), и те, видя, как хорошо управляется школа, решили поддерживать ее чем только могут.

Такое благополучное положение дел сохранялось месяцев шесть. Затем открылась сессия парламента и герцог изложил предлагаемые меры по великому католическому вопросу. Что тут началось! Оскорбления, клевета, партийная

рознь и хаос! О, эти три месяца, от речи короля и до завершающего дня! Никто не мог думать, писать и говорить ни о чем, кроме католического вопроса, герцога Веллингтона и мистера Пиля. Я помню день, когда вышел экстренный выпуск газеты с речью мистера Пиля, где излагались условия, на которых католиков допустят в парламент; с каким жаром папа разорвал пакет, как мы все, затаив дыхание, стояли вокруг и один за другим выслушивали пункты, столь безусловно сформулированные и обоснованные, и как потом тетя сказала, что, на ее взгляд, меры замечательные и при таких ограничениях католики не смогут причинить никакого вреда. Еще помню сомнения, пройдет ли билль через палату лордов, и пророчества, что не пройдет. Наконец доставили газету, из которой мы должны были узнать, как все решилось. Вне себя от волнения, мы слушали подробный отчет о заседании палаты: начало слушаний, герцоги крови в парадных одеяниях, славный герцог в жилете с зеленой лентой через плечо; он встает, чтобы говорить, и все, даже дамы, вскакивают; сама речь (папа сказал, что каждое слово в ней – чистое золото) и, наконец, голосование с четырехкратным перевесом за принятие билля. Однако это отступление, я прошу читателей меня за него извинить. Итак, возвращаюсь к рассказу.

Из-за католического вопроса герцог и мистер Пиль, разумеется, вынуждены были неотлучно пребывать в Лондоне, и мы вскоре уехали туда же. О’Шонесси и его племянник где-

то охотились, и все управление школой легло на маркиза Дору и лорда Чарлза Уэлсли. Чем это закончилось, станет ясно из следующей главы.

Глава 2

Довольно долго мы не имели никаких вестей из школы и сами о ней не справлялись, пока однажды утром, сидя за завтраком, не получили письмо. Вскрыв его, мы увидели, что оно написано милордом Уэлсли. Письмо гласило:

8 июня, остров Виде́ния

Дорогие король и королевы!

Я пишу вам, дабы известить, что в школе начался бунт, участников коего у меня нет времени перечислять: скажу лишь, что сейчас я в шалаше, выстроенном на свежем воздухе, и... но они приближаются, и я не успеваю ничего больше сообщить...

Остаюсь ваш и прочая,

Чарлз У.

P. S. После того как я это написал, было сражение, в котором наши псы дрались отважно и мы победили; впрочем, мы доведены до крайности недостатком провианта и, если вы не поспешите на помощь, вынуждены будем капитулировать. Захватите с собой гончую нашего отца, доктора Хьюма и еще Егеря...

Прочитав это письмо, мы тут же потребовали воздушный

шар и, как только его доставили, забрались в корзину и полетели в Стретфилдси. Там мы взяли гончих и Егеря, после чего направились напрямик к острову. Совершив посадку перед школой, мы глянули на миртовую рощу и увидели дивную картину: благообразный дворец торжественно вставал над обступившими его зелеными кронами и в горделивом молчании высился над островом, справедливо именуемым сновидением, ибо только в ночных грезах человеческому глазу предстает столь пышная первозданная краса, как в этом волшебном краю, а ухо лишь в фантазиях внемлет музыке, подобной той, что издает огромная арфа, сокрытая от взоров между деревьями. Прислушайтесь! Сейчас звук нежен, как предсмертная лебединая песнь, но вот усилившийся порыв ветра коснулся струн, и музыка нарастает! Как громко льется мелодия! Сколько мощи в этой исступленной ноте, однако ветер ревет оглушительнее. Я слышала рокот далекой грозы, она приближалась, голос арфы крепчал, пока в громовых раскатах и завываниях ветра струны не грянули с такой пугающей необузданностью, с таким неземным величием, что почти верилось: говорят духи. Это буря.

Однако возвращаюсь к рассказу: пробыв на острове примерно полчаса, мы увидели вдали идущего к нам лорда Уэлсли. Подойдя ближе, он обратился к нам так:

– Маленькие королевы, я рад, что вы прибыли. Поспешите за мной, ибо нельзя терять ни минуты.

Мы пошли с ним, и по пути лорд Уэлсли рассказал нам,

как начался школьный бунт.

– Дня три после вашего отъезда дела шли превосходно, однако к концу этого срока проявились первые симптомы неподчинения. Мы старались их подавить, но тщетно. Положение не только не улучшилось, но стало еще хуже. Школа разделилась на четыре партии, возглавляемые князем Полиньяком, принцем Георгом, Джонни Локкартом и принцессой Викторией. Они постоянно ссорились и дрались самым возмутительным образом. Несколько недель мы пытались с ними совладать, но безуспешно. В итоге они сбежали и укрепились в самой дикой части острова, куда мы сейчас и направляемся. У каждой партии есть по две пушки, а также большой запас ядер и пороха. Иногда они выступают против нас все вместе, и тогда нам приходится туго. Впрочем, теперь вы здесь, и мы скоро им зададим!

Как раз когда он закончил говорить, мы вышли из леса, через который пробирались все это время, и очутились в глубокой лощине, через которую, бурля и пенясь, бежал зажатый каменными берегами стремительный поток. Дальше река расширялась и уже спокойно катила плавные воды по широкой зеленой равнине справа, орошая и освежая ее по пути. Слева от нас вздымались хмурые скалы, отбрасывающие в лощину густую тень. Кое-где на склонах росли высокие сосны, и ветер жалобно стонал в их искореженных ветвях. В других местах огромные глыбы опасно нависали над головой. Стояла мертвая тишина, но когда мы вступили в лощи-

ну, по ней прокатилось эхо далекого пушечного выстрела и с криком взмыл в небо потревоженный орел.

Довольно скоро мы отыскивали место, где укрепились дети. Сторонники Виктории разбили лагерь на вершине горы, партия Полиньяка укрылась в глубокой расселине, георгианцы поставили шатры в чистом поле, а локкартисты окопались между деревьями. Шалаш маркиза Доуро и лорда Уэлли был выстроен под сенью раскидистого дуба, и над ним высилась огромная скала. По одну сторону от него начинался пологий холм, позади – роща высоких деревьев, а прямо впереди журчал чистый ручеек.

Войдя в это смиренное жилище, мы узрели маркиза Доуро на ложе из листьев. Лицо его покрывала бледность; прекрасные черты застыли, как у мраморной статуи. Глаза были закрыты, а на блестящих густых кудрях местами запеклась кровь. Едва Чарлз это увидел, как бросился вперед и, пав на ложе рядом с братом, лишился чувств. Доктор Хьюм тут же применил обычные врачебные средства, и Чарлз понемногу пришел в себя. За все это время Артур не шелохнулся и не произнес ни слова; мы думали, он умер. Егерь бушевал, и даже суровый Хьюм уронил несколько слезинок; Чарлз словно обезумел. Мы подумали, что в таком экстренном положении надо срочно послать за герцогом Веллингтоном. Так мы и сделали. Как только он показался, одна из нас выбежала ему навстречу. Узнав о том, что произошло, герцог побледнел как смерть; губы его задрожали, а все тело за-

трепетало от волнения. Он быстро вошел в шалаш, приблизился к ложу и, взяв безжизненную руку сына, срывающимся голосом прошептал: «Артур, сынок, отзовись». При звуках родительского голоса Артур медленно открыл глаза, увидел отца и хотел заговорить, но не мог. Тогда мы, по щедрости и доброте сердца, немедленно его исцелили посредством волшебных снадобий, после чего герцог снял с пальца бриллиантовое кольцо и презентовал нам. Мы приняли подарок и поблагодарили герцога.

Затем мы сообщили его светлости про восстание школьников. Он, не говоря ни слова, вышел; мы – за ним. Герцог проследовал туда, где мятежники встали лагерем, и зычным голосом объявил, что если они сейчас же не сдадутся, то могут считать себя мертвецами, потому что с ним несколько тысяч гончих псов, готовых мгновенно растерзать их в клочья. Дети боялись собак больше всего на свете, поэтому немедленно капитулировали, и вскорости школа благоденствовала, как прежде, однако мы, устав от нее, отправили питомцев по домам, и теперь на острове сновидений обитают лишь феи.

Глава 3

Примерно через год после школьного бунта в семье герцога Веллингтона случилось следующее удивительное происшествие. Как-то приятным утром в сентябре 1828-

го маркиз Доуро и лорд Чарлз Уэлсли вышли поохотиться. Они обещали вернуться до восьми, но уже пробило девять, а они не появлялись; двенадцать, а их все нет. Старый Босьяк отправил слуг спать и, когда дом затих, вышел в большой зал и сел у камина, намереваясь не ложиться до возвращения молодых господ. С полчаса он беспокойно прислушивался, не раздадутся ли их шаги, как вдруг внутренняя дверь тихонько отворилась и вошла леди Уэлсли. В свете свечи, которую держала хозяйка, Старый Босьяк увидел, что она бледна и очень взволнована.

– Что стряслось, мэм? – спросил он.

Леди Уэлсли:

– Я сидела за шитьем, когда внезапно отблеск свечи на моей работе стал мертвенно-голубоватым, как будто горит фосфор или асфальт. Я подняла глаза и увидела фигуры сыновей, окровавленные и обезображенные. Я смотрела на них, пока они не растаяли, не в силах шелохнуться или промолвить слово, а потом спустилась сюда.

Не успела она закончить рассказ о своем странном видении, как с грохотом распахнулась большая дверь и вошел герцог Веллингтон. Мгновение он стоял, напряженно глядя на леди Уэлсли и Старого Босьяка, затем отчетливо, но глухо проговорил:

– Кэтрин, где мои сыновья? Ибо я сидел в кабинете и внезапно услышал их голоса. Они стонали и молили о спасении от неминуемой смерти. И вот теперь я не могу отогнать

мрачное предчувствие. Где они, Кэтрин?

Прежде чем леди Уэлсли успела ответить, дверь снова открылась и вошли мы. Герцог немедленно обратился к нам, умоляя сказать, что с его сыновьями. Мы ответили, что не знаем, но, если он хочет, отправимся на поиски. Герцог сердечно нас поблагодарил, добавив, что пойдет с нами, и мы все, простившись с леди Уэлсли, без долгих слов выступили из дома.

Миля через четыре мы очутились на безлюдной голой равнине, которой никогда прежде не видели. Мы продолжили путь, и вскоре все остальное скрылось из глаз. Вдруг вид неба резко переменился. По нему бежали огромные валы, увенчанные белой пеной, и мы слышали грохот, подобный рокоту далекого океана; луна выросла в исполинский шар многомильного диаметра. Мы в немом изумлении взирали на это поразительное зрелище, которое с каждым мгновением становилось все великолепнее; шум нарастал. Внезапно волны разверзлись, и на равнину сошел великан, облеченный в солнце, с венцом из двенадцати звезд на голове. На миг мы ослепли от его сияния, а когда вновь обрели способность видеть, то поняли, что нас окружает красота, описать которую я бессильна. Здесь росли деревья и рощи из лучей, ручьи жидкого хрусталя струились по золотому песку, и журчание их было мелодичнее арф и сладкоголосых соловьиных трелей. Там и тут высились рубиновые, изумрудные, алмазные, аметистовые и жемчужные дворцы; радужные арки из

сапфиров, яшмы и агата перекинулись через широкие моря, и волны, приглушив мощные голоса, пели в унисон с серебряными потоками, орошающими эту лучезарную землю; их дивная песнь эхом отражалась от высоких гор, что вставали вдали, сверкая, подобно оправленным в золото опалам.

Так продолжалось недолгое время, затем небо почернело, ветер усилился, плеск океанских валов перешел в грохот. Дивные красоты исчезли, их сменили темные высокие кипарисы и ели, стонущие на ветру жалобными голосами, словно люди при смерти. Перед нами выросла огромная черная скала, и в ней открылась широкая темная пещера, где мы увидели Артура и Чарлза Уэлсли. Тут великан появился снова, подхватил их и нас на руки и, стремительно пролетев по воздуху, перенес всех в большой зал Стретфилдси.

Глава 4

Был чудесный августовский вечер; герцог Веллингтон и его сыновья сидели в маленькой гостиной наверху большой круглой башни усадьбы Стретфилдси. Лучи садящегося солнца били в готическое окно, полузавешенное зеленой бархатной шторой, которая пышными складками ниспадала с золоченого карниза. Комнату заливало малиновое сияние, подобное тому, что источает восточный рубин, но в отличие от дивного самоцвета оно мало-помалу гасло, так что постепенно остался лишь слабый розовый отсвет на мраморном

пьедестале статуи Уильяма Питта, мгновения назад сверкавшем, будто начищенное золото. Когда растаял и этот последний отблеск, лорд Чарлз Уэлсли воскликнул:

– Отец, как бы мне хотелось, чтобы ты рассказал о своих приключениях в Индии или в Испании!

– Ладно, Чарлз, расскажу. Слушай хорошенько, – отвечал его светлость. – А ты желаешь послушать, Артур?

– Да, очень, – проговорил маркиз степенным тоном, являвшим разительный контраст легкомысленной веселости его младшего брата.

Герцог начал так:

– В день битвы при Саламанке, когда уже начинало смеркаться, я покончил с чтением депеш и вышел из монастырских ворот университета, чтобы насладиться свежестью испанского вечера. Для этого я миновал город и, оставив его стены позади, беспечно зашагал по берегу Тормеса, пока не очутился у подножия высоких лесистых холмов, тянувшихся до самого горизонта. В лес уходила тропка; по ней я и направился, перепрыгнув через реку, которая здесь превратилась в узенький ручей. Строго говоря, поступок этот был неразумный, и вам, если вы окажетесь в сходных обстоятельствах, я так действовать не советую: вечерело, дивный закатный свет бросал на все неверные отблески, делая путь через неведомый мне темный лес крайне опасным. К тому же округа кишела отчаянными грабителями и бандитскими шайками, живущими в этих безлюдных местах. Однако ме-

ня влекло вперед словно каким-то заклятием. Пройдя с четверть мили, я услышал вдали музыкальный звук, который тут же умолк, а когда я углубился еще дальше в лес, раздался снова, на сей раз ближе. Я сел под большим раскидистым кленом, чьи мощные ветви и листву уже серебрил лунный свет, проникающий в глубокую тьму леса. Внезапно звук, доселе нежный и тихий, словно прелюдия, играемая виртуозом на дивном инструменте, стал громким и торжественным, как глас органа, когда его ноты, вздымаясь и опадая, сливаются в *Te Deum*⁹ и гулко разносятся под высокими сводами собора, подобно грозовым раскатам, или как лучшая из мелодий – военная, – когда звонкая труба и рокочущий барабан зовут храбрецов на яростную битву. Однако вернусь к моему рассказу. Едва грянул этот торжественный концерт, как темный лес исчез, словно утренний туман под лучами солнца, и передо мною медленно выросло исполинское зеркало, в котором величественно клубились смутные очертания непроницаемых облаков, а молнии чертили меж них слово «Будущее». Постепенно облака рассеялись, и вместо них мне предстал чарующий остров в безбурном океане, скованный золотой цепью с другим островом, поменьше, но столь же красивым. Посреди большого острова восседала на рубиновом троне жена, увенчанная розами; в одной руке она держала венок из дубовых листьев, в другой

⁹ *Te Deum* (лат. *Te Deum laudamus* – «Тебя, Бога, хвалим»), гимн святого Амвросия Медиоланского, одно из главных христианских песнопений.

– меч, а над тронном высилось древо свободы, широко раскинувшее ветви и распространяющее аромат цветов до самых дальних концов земли. Посреди второго острова стоял изумрудный трон, и на нем восседала жена в венце из клевера и с арфой в правой руке; одеяние ее было багряным, как если бы его окрасила кровь. Величием она не уступала первой жене, однако смотрела печально, словно в страхе перед неминуемой бедой; вместо благоуханного древа, осеняющего другой остров, над нею склонялся темный кипарис; порою она касалась перстами струн, и с них лились звуки, пронзительные и скорбные, словно надгробный плач. Покуда я гадал, из-за чего она горюет, из моря на меньший из островов вылезло ужасное чудище. Едва оно коснулось берега, раздался жалобный вопль, от которого оба острова содрогнулись до основания, а море забурлило яростно, словно началось сильное землетрясение. Чудище было черное, безобразное и оглушительно ревело. Одеяние его составляли шкуры диких зверей, а на лбу было каленым железом выжжено «Фанатизм». В одной руке оно держало косу и, едва выбравшись на сушу, принялось опустошать остров: все прекрасное и цветущее исчезало с лица земли, и благодатный край обращался в зловонные топи. Чудище с неутомимой злобой преследовало жуткого старика, который, как шепнул мне в ухо кто-то незримый, звался «Римское католичество». Старик поначалу выглядел слабым и беспомощным, но, убегая, становился все сильнее, и чем больше его преследовали, тем

заметнее делалась его мощь. Наконец он громовым голосом бросил вызов мучителю и в то же время попытался разбить золотую цепь, сковывающую острова. Тут я узрел приближающегося воителя; лица было не различить, но с неба над ним простирался могучий щит. Воитель приблизился к чудищу, нарицаемому «Фанатизм», и со всей мочи метнул в него дротик, на котором золотыми письменами было начертано «Справедливость». Дротик вонзился в сердце, и чудище рухнуло с громким стоном. Едва это случилось, из золотого облака высунулась рука и возложила на главу воителя, и без того украшенную множеством венков, еще один – из сплетенных лавра и амаранта. В тот же миг обе царственные жены встали со своих тронов и, приблизившись к воителю, принялись бросать к его стопам гирлянды цветов и победные венцы, громко распевая ему хвалы. Тем временем разоренный край вновь покрылся густыми лесами и тучными пажитями, среди солнечных равнин заструились чистые реки, мелодично журча по зеленым камням, и арфа сладкозвучно запела в ветвях древа свободы. Затем все умолкло. Я понял, что сижу под кленом и соловей в листве выводит нежную трель, навеявшую мне сон о прекрасной музыке.

Глава 5

В год 1722-й, в чудесном месяце июне, четверым обитателям Страны эльфов вздумалось для забавы навестить жите-

лей Земли. Для этой цели они приняли облик смертных, но прежде должны были получить дозволение Оберона и Титании, своих короля и королевы¹⁰. Соответственно они испросили аудиенцию и, будучи допущены к их величествам, подали прошение, каковое было немедля удовлетворено. Все четверо тут же собрались в путь.

Спустившись на облаке, эльфы попали в очень гористую и совершенно необитаемую часть Англии. Довольно долго они шли, пока не добрались до края скалы, под которой лежала восхитительная лощина, выющаяся меж темных высоких гор и могучих раскидистых деревьев, чьи тесные купы осеняли ее прохладной тенью. Здесь, мелодично журча, бежал чистый и прелестный ручей; чуть дальше, вырвавшись из тесных берегов, он разливался широким потоком по зеленой равнине, усеянной белыми тополями и величественными дубами, пестрящей маргаритками и лютиками, среди которых там и сям проглядывали примулы и фиалки. И вот это уже полноводная река; тихий рокот струй подобен гласу наяды из глубины коралловых дворцов, чей одинокий голос льется в безмолвные часы, когда море смиряет буйство черных валов и ночь в одеянии из звезд величаво шествует по земле, а Селена бледной лампадой озаряет дорогу темной и грозной королеве. Посредине этой лощины стоял малень-

¹⁰ *Оберон и Титания* – в английском фольклоре король и королева эльфов и фей; самые известные их образы созданы в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

кий, крытый соломой дом – некогда отраднй приют благополучного селянина, теперь совершенно заброшенный и забытый: после смерти хозяина дети один за другим отправились на поиски счастья, и покинутая хижина мало-помалу пришла в полный упадок. Эльфы спустились с горы и принялись осматривать дом. Стены были серые и замшелые; среди густого плюща, заплетшего косяки дверей, еще проглядывали виноградные лозы, а в темных листьях белела одна звездочка жасмина. Садик зарос бурьяном и крапивой; о прежней его красе свидетельствовал единственный розовый куст, на котором еще цвели несколько полуодичалых роз; рядом на кустике клубники висели две или три алые ягоды, являя разительный контраст царящему вокруг запустению.

Эльфы решили поселиться в домике, что и исполнили. Короткое время спустя с ними случилось следующее происшествие. Однажды вечером они сидели у камина в своей хижине (ибо в людском обличье вели себя как люди), слушая глухие стенания ветра, завывающего в лощине; иногда к его жалобным стонам примешивались странные звуки, и эльфы знали, что то голоса духов, взмывающих в воздух незримо для простых смертных. Они, как я уже сказала, сидели у камина, когда в дверь вдруг кто-то громко постучал. Один из эльфов немедля встал и открыл дверь. За ней стоял человек в дорожном плаще. Они спросили, что ему нужно. Человек ответил, что заплутал в лощине и, увидев огонек в стороне от тропинки, решил попроситься на ночлег, дабы утром

продолжить путь уже при свете дня. Эльфы тут же впустили незнакомца и, усадив рядом с камином, осведомились о цели его странствия. Тот ответил, что если они желают, он поведаст им свою историю целиком, ибо видит, что попал в общество необыкновенных особ, которые, возможно, сумеют ему помочь. Эльфы согласились, и гость начал рассказ:

– Я сын богатого джентльмена, обладателя обширных поместий, живущего в одном из южных ирландских графств. Отец и мать были католиками, и я рос в той же вере, пока не убедился в ее ошибочности¹¹. Духовник отца отличался странным нелюдимым нравом; поговаривали, что он общается с жителями иного мира. Он учился в Испании, где, по слухам, и овладел наукой некромантии. В протестантизм я обратился следующим образом. У нас в доме был старый слуга, который неведомо от моего отца покинул римско-католическую церковь и вступил в англиканскую. Однажды я неожиданно вошел в комнату и застал его за чтением Библии. Я принялся укорять его в недолжном поведении и напомнил, что он нарушает законы истинной церкви и запрет нашего священника. Он отвечал мне кротко, но твердо, цитируя в защиту своего занятия многие отрывки из Писания и убедительно доказывая мою неправоту. На следующий день я пришел в тот же час и вновь застал его за тем же делом. Последовал долгий разговор, в результате которого я сам при-

¹¹ Крайнюю нетерпимость к католицизму Шарлотта переняла у отца – северо-ирландского протестанта.

нялся читать Библию и обнаружил, что учение англиканской церкви лучше всего согласуется со словом Божиим. Посему я решил принять ее доктрину. Когда о моем обращении стало известно, отец приложил все усилия, чтобы меня разубедить, однако я был непоколебим в своей решимости. Вскоре отец оставил меня в покое. Духовник же так просто не сдался: он постоянно выдвигал доводы, убеждая меня покаяться, и, не преуспев, прибег к последнему средству. Вот как это было. Раз вечером я стоял во дворе отцовского дома, и внезапно мне в ухо кто-то шепнул: «Приходи сегодня в полночь на вересковую пустошь». Я обернулся и, не увидев никого, задумался, как это понимать и стоит ли являться на зов. Наконец я решил идти и с одиннадцатым ударом часов тронулся к пустоши. Она начиналась милях в четырех от нашего дома и тянулась на четыре лиги к северу. Путь много времени не занял. Ночь была безлунная, звезды лишь изредка проглядывали сквозь пелену облаков, одевшую темную лазурь своим плотным хмурым покровом, так что дорога была погружена в унылый сумрак. Все вокруг молчало, лишь незримый ручеек струился среди вереска со звуком, подобным глухому бормотанию раковины, хранящей в себе память родных глубин и нестихаемый грохот зеленых морских валов. Не прождал я и нескольких минут, как вокруг медленно выросли смутные очертания святого аббатства: величественные колонны, длинный неф, гулкий купол и алтарь возникали постепенной и загадочной чередой, а торжественный

нездешний свет лился в высокие сводчатые окна и озарял гробницу посередине. Я знал, что в ней покоится мой дед. С изумлением и трепетом я взирал на представшее мне чудо, когда внезапно заметил, что на гробнице стоит высокая, одетая в белое фигура. Она поманила меня рукой; я приблизился, и призрак воззвал ко мне так: «Почто, о сын, ты отринул святую и древнюю религию предков и обратился в чужую, тебе неведомую?» Я собрался было ответить, но тут заметил рядом с собою духовника. В тот же миг мне стал ясен его замысел, и я воскликнул громко:

– Твои козни раскрыты! Вера, которую я исповедую, – истинная, и я знаю, что все это – некромантия!

Услышав мои слова, священник впал в неистовый гнев и топнул ногой: из земли тут же взметнулось пламя. Он бросил в огонь какие-то ароматические вещества и произнес голосом, дрожащим от неукротимого гнева: «Прочь, гнусный еретик!» – и в то же мгновение я очутился в этой лощине. Остальное вы знаете.

На сем путник завершил рассказ. Из дальнейшего известно лишь, что эльфы перенесли его к родным, которые вскорости сделались ревностными прихожанами англиканской церкви. Священник некоторое время спустя пропал при весьма необъяснимых обстоятельствах, а эльфы покинули ветхий домик, и теперь от него остались только замшелые развалины. Однако легенда по-прежнему жива, и крестьяне рассказывают ее у очага тоскливой зимней порой, когда мо-

роз одевает землю сияющими снегами.

Эту историю поведали маленьким королю и королевам, Серингапатаму, Старому Босяку, Егерю, Джеку-на-все-руки и Ординарцу маркиз Доуро и лорд Ч. Уэлсли, сидя у камина в большом зале усадьбы Стретфилдси.

III

Глава 1

Как-то вечером герцог Веллингтон работал у себя в комнате на Даунинг-стрит. Элдон, раскинувшись в кресле, уютно покурил трубочку (он презирает сигары, почитая их новомодным баловством) у жаркого камина, куда Серингапаттам только что подкинул очередную порцию лондондеррийских черных алмазов. Однорукий Гардиндж за конторкой неловко корябал военный бюджет на листе почтовой бумаги с золотым обрезом. Самодовольный Рослин, облокотясь на каминную полку зеленого мрамора, с безграничным презрением взирал на чудаковатого старого штафирку напротив и временами косился на отражение своей собственной щеголеватой фигуры в превосходном зеркале, обрамленном завесой узорчатого малинового бархата; Каслри на оттоманке то и дело шумно позевывал, а мистер секретарь Пиль, усевшись на резной табурет, что-то подобострастно нашептывал в ухо герцога, занятого сложным расчетом, пока тот не глянул так, что мистер секретарь в мгновение ока отлетел к противоположной стене. При виде этой трагической катастрофы Рослин шмыгнул к своей конторке, которую покинул без дозволения главнокомандующего. Гардиндж только презрительно

крякнул, оглянувшись через плечо на распростертого штатского. Эддон вынул изо рта трубку и воздел старческие руки в жесте, выражавшем отчасти ужас, отчасти изумление. Каслри сполз с подушек под стол, где и остался тихо лежать, а герцог Веллингтон, не заметив произведенного им замешательства, продолжал разбираться в столбцах чисел, которые бедный Визи, сраженный недугом, оставил в полнейшем беспорядке.

Покуда они предавались этим занятиям, снаружи раздались тяжелые шаги. Дверь открылась, и в комнату проскользнула маленькая старушка, закутанная так, что было видно только лицо. Никто не удивился ее появлению, ибо это была одна из прославленных маленьких королев. Старушка подошла к герцогу и протянула ему письмо, написанное кровью и запечатанное красным воском с оттиснутыми на нем словами «le message d'un revenant»¹². Герцог почтительно взял послание и прочел, попеременно краснея и бледнея от необоримых чувств. Покончив с чтением, его светлость заходил по кабинету, словно силясь успокоить мысли, затем резко остановился и велел всем выйти; они подчинились. После недолгого молчания герцог спросил фею, настоящее ли это письмо или фальшивка. Она сделала знак рукой, и тут же появились король и две остальные королевы. Все они преклонили колени, потом вытащили палочки, украшенные слоновой костью, поцеловали их и сказали: «С помощью этих палочек

¹² Письмо от призрака (*фр.*).

мы управляем сердцами смертных. Ими и своей волшебной силой ручаемся, что не лжем. Это письмо не фальшивка». И, договорив, все трое исчезли.

Его светлость немедля позвонил в колокольчик и велел вошедшему слуге оседлать самую быструю лошадь в конюшне. Приказание было тут же исполнено, и герцог, облаченный в георгианский плащ¹³ с широким армейским ремнем и медную каску с большим черным плюмажем, вскочил на горячего коня и, пришпорив, пустил его с места в карьер. Вскоре Лондон и окрестности остались позади. Герцог скакал без усталости и к рассвету узрел гордые башни поместья Стретфилдси, розовеющие в первых утренних лучах, над раскинувшейся вокруг них древней дубравой. Все обширные владения герцога простирались перед его глазами: мирные деревушки среди вековых лесов, тучные нивы до самого горизонта, белые домики, утопающие в садах, и великая река в обрамлении пышной зелени. Все это принадлежало ему, все было добыто его непобедимым мечом – памятник, который благодарная Англия воздвигла своему защитнику.

Он продолжил путь и довольно быстро подъехал к темным воротам. Домики старых солдат, чуть в стороне от узкой дорожки, были почти не видны: ветви деревьев в пышном летнем убранстве скрывали их густой зеленой завесой, над которой торчали лишь круглые серые трубы; из той, что принадлежала Серингапатаму, в чистый эфир как раз потя-

¹³ *Георгианский плащ* – короткая свободная пелерина с высоким воротником.

нулась струйка бурого дыма. Прочие дома застыли в безмолвии, ибо их обитатели, сиречь Джек-на-все-руки, Ординарец и Егерь, сейчас обретались в более шумной атмосфере конногвардейских казарм, которую (в отличие от своего ученого соседа) заметно предпочитали сельской тиши.

Его светлость уже отодвигал большую ветку, закрывавшую вход в крайний домик справа, когда вдали раздался звук легких шагов и звонкий молодой голос запел:

Куда Артур исчезнуть мог,
Почто домой он не пришел?
Ведь уж давно горит восток,
Зарею полня лес и дол.
Среди деревьев он видел сны
Под балдахином диких лоз,
На лоб ему средь тишины
Звезда роняла слезы рос.
Когда же сомкнутых очей
Коснулся первый луч златой,
Он встал и отряхнул с кудрей
Блистающих алмазов рой.
Цветы встречали новый день,
Блестя росой на лепестках,
Беззвучно пробежал олень,
И заяц прошмыгнул в кустах...

Пение внезапно оборвалось. Деревья, обрамляющие дорожку, зашуршали, и на нее выбежал лорд Чарлз Уэлсли –

так резво, весело и упруго, что мнилось, будто его ноги вовсе не касаются земли. Румяное лицо сияло улыбкой, большие голубые глаза казались прозрачными храмами беззаботности, ровные зубы меж алых смеющихся губ затмевали белизну восточного жемчуга. Лоб, светлый, как слоновая кость, обрамляли золотистые кудри, прелестными завитками лежащие на висках, а фигура являла собой воплощение небесной гармонии. Лорд Чарлз миновал герцога, не заметив – тот был скрыт за высоким темным кипарисом. Его светлость шагнул вперед и окликнул сына по имени; при звуке отцовского голоса невесомое радостное существо тут же остановило стремительный бег или, вернее, полет и обернулось.

– Доброе утро, сынок, куда ты направляешься? – спросил герцог.

– О милый, милый отец! – воскликнул тот. – Я так рад тебя видеть! Я собрался искать Артура – его нету дома со вчерашнего вечера.

– Нету дома со вчерашнего вечера? Так, значит, меня не обманули! – отвечал его светлость, и благородное чело, разгладившееся было при встрече с беззаботным отроком, вновь омрачилось глубокой тенью. – Чарлз, твоему брату грозит смерть, – проговорил герцог.

– Смерть? – переспросил Чарлз, и тут же веселость схлынула с его лица, а лучистые глаза затуманились слезами. Он побелел как полотно и срывающимся голосом воскликнул: – О, Артур не должен умереть! Маленькие королевы обязаны

его спасти! Я отыщу Тайну, где бы тот ни жил. Куда подевался Артур, отец? Если он умрет, я умру тоже, потому что не могу без него жить.

– Успокойся, Чарлз, – сказал герцог, поднимая его с земли. – Идем со мной к Серингапатаму. Я попытаюсь спасти Артура.

К тому времени Серингапатам, слышав стенания и вопли лорда Уэлсли, сам вышел из дома. При виде герцога, который поддерживал рыдающего сына, старый воин обеспокоился и воскликнул:

– Бедняжка, на нем лица нет! Что стряслось, милорд? Какой-нибудь штафирка его обидел? Где негодяй? Я оболью его расплавленным свинцом! Нет, погодите, сперва я принесу лорду Чарлзу воды, а то он весь белый.

– Нет, нет, Серингапатам, просто отведи его к себе в дом. Я хочу с тобой поговорить.

– О, прошу заходить, милорд! – И старый ветеран, гордясь, что ему собираются доверить тайну, широко распахнул дверь. – С тех, кто живет по лондонскому обычаю, станется подслушивать через замочную скважину.

Когда они вошли, он придвинул к огню два стула, протер их тряпкой и расстелил на полу коврик, затем взял с кровати подушку и положил на один из стульев, сказав, что, если лорду Чарлзу неможется, пусть на нее обопрется. Следующим делом Серингапатам закрыл дверь, задвинул щеколду и сел на трехногий табурет у ног хозяина.

– Серингапатам! – сказал его светлость. – Я верю, что ты честен, предан моим интересам и благодарен за то, что я для тебя сделал. Посему сейчас я открою тебе чрезвычайно важный секрет. Прошлой ночью я получил загадочное послание якобы от духа моего покойного отца. Там утверждалось, что Артур, мой старший сын и твой будущий господин, во время своих меланхолических прогулок был увлечен неведомой силой в обиталище сверхъестественных существ, где сейчас претерпевает самые жестокие истязания, и если ты не отправишься со мною в некое место, обозначенное в письме, неминуемо умрет. Посему заклинаю тебя верностью ко мне и моим близким исполнить все, что я ни скажу.

Тут герцог умолк, и Серингапатам, пав на колени, торжественно обещал повиноваться каждому его слову, не только сейчас, но и до последнего вздоха. Тогда герцог обратился к Чарлзу и спросил, готов ли тот идти с ними.

– Я не пожалею жизни, чтобы спасти Артура, – пылко отвечал юный лорд, и в его блестящих от слез глазах зажегся лучик надежды. Отец погладил сына по курчавой голове и улыбнулся одобрительно.

Через несколько минут они уже были готовы тронуться в путь и, как только Серингапатам запер дверь своего домика, быстро зашагали вперед. Недолгое время спустя они оставили позади лес и, миновав опоясывающие деревню поля, луга и сады, вышли на очень широкую равнину, где паслись лишь редкие овцы, да и те вскоре перестали попадаться на глаза.

Башни и дубравы Стретфилдси исчезли за горизонтом, ого-
роженные пастбища и сады пропали из виду, высокая цер-
ковная колокольня постепенно растаяла вдаль, так что након-
ец осталась лишь широкая равнина под ногами и высокий
купол небес над головой.

По этой равнине они шли до вечера, а к закату добра-
лись до такого места, где огромные скалы отвесно вздыма-
лись на головокружительную высоту; мощный поток с гро-
хотом низвергался по обрывам в каменную чашу и, перели-
ваясь через край, мчал дальше, пока наконец не разливался
плавной рекой, которая мирно струилась по очаровательной
долине, постепенно расширяющейся вправо. Здесь ее осеня-
ли платаны и молодые дубы; закатное солнце, бьющее сквозь
их ветви, придавало морщинистой речной глади сходство с
расплавленным золотом. Путники поднялись по узкой, выю-
щейся овечьей тропе и очутились на заросшем травой плос-
когорье. Дальше уходили ввысь скалы – по виду совершенно
неприступные.

Здесь герцог внезапно остановился и объявил, что Серин-
гапатаму и лорду Чарлзу нет надобности идти дальше. Ска-
зано это было не сердито и даже не то чтобы очень строго, но
так твердо, что и слуга, и сын поняли: возражать бессмыс-
ленно. Посему оба они молча сели и принялись в волнении
наблюдать за герцогом, ибо видели, что по ровной отвесной
стене, преграждающей путь вперед, смертному не взобрать-
ся.

Ярдах в пяти от края плато тянулся длинный скальный выступ, нависающий над долиной; впрочем, он был так узок и располагался так высоко над землей, что ни одно живое существо не отважилось бы на роковой прыжок, необходимый, чтобы туда перебраться.

Герцог мгновение оглядывался, ища, как бы достигнуть цели, и наконец остановил взгляд на узком нависающем мостике. В следующий миг его светлость сбросил плащ, в который до сей минуты кутался, и, шагнув к краю пропасти, перепрыгнул на выступ так, будто в него вселился дух серны или лани. Когда лорд Чарлз увидел дерзкий прыжок родителя, вызванный желанием спасти первородного сына, из его груди вырвался сдавленный крик. Герцог, невзирая на опасность своего положения, обернулся и, глядя на юношу с состраданием, проговорил:

– Не страшись за меня, мой милый Чарлз, скоро я вернусь с Артуром, целый и невредимый.

Затем, обогнув вертикальный уступ, он пропал из виду.

С каждым шагом путь становился все опаснее, однако герцог пробирался вперед и наконец увидел вход в пещеру, закрытый железными дверями; при его приближении они распахнулись, и он вступил в огромный каменный зал. В следующий миг двери закрылись, и герцог остался один в этом странном помещении, тускло освещенном синим пламенем посередине. Массивные колонны уходили к сводчатому потолку; их капители были украшены человеческими черепа-

ми и скрещенными костями, основания имели вид надгробий, а столбы – отвратительных скелетов. Зал был так велик, что герцог не видел дальнего его конца и, расхаживая взад-вперед, слышал эхо своих шагов, долетающее от склепов или казематов. Спустя продолжительное время раздался звук открываемой двери, а затем – легких, хорошо знакомых шагов, и через мгновение отец уже обнимал любезного сына. Почти в тот же миг они оказались на плато, где с тревогой ждали Серингапатам и лорд Чарлз Уэлсли.

Встреча братьев была радостной до чрезвычайности. Проведя некоторое время в слезах счастья и бурных восклицаниях, весь отряд благополучно вернулся в Стретфилдси. На любые расспросы о его страданиях в пещере маркиз неизменно отвечал, что они были неопишуты.

Глава 2

Однажды ясным августовским вечером 1829 года герцог Веллингтон встал после утомительного составления и переписывания государственных бумаг – этой работе, которая больше подошла бы Джону Херрису или П. Кортни, чем гордой и деятельной натуре герцога, он без отдыха отдавал все свои часы последние три с лишним месяца. Заперев секретер и разложив бумаги по порядку, герцог решил проследовать в конногвардейские казармы, ибо, прискучив обществом чиновников и подобострастных клерков, готовых и даже жаж-

дущих лизать прах у его ног, мечтал вновь вдохнуть свежий и вольный воздух этого привилегированного жилья, где ныне обитали все великие фельдмаршалы, генералы, штабные офицеры и полковники. Он уже готов был исполнить сие намерение, когда дверь отворилась и вошли маленькие король и королева в своем обычном обличье. Они обратились к хозяину кабинета так:

– Герцог Веллингтон, идемте в конногвардейские казармы; мы туда собираемся и хотим вас просить, чтобы вы показали нам там все примечательное.

– Я и сам туда направляюсь, – ответил его светлость, – и почту ваше общество за честь.

Они тронулись и после пятнадцатиминутной прогулки были у цели. Ворота стояли на запоре, но часовой, увидев приближение его светлости, поспешно их отворил, взял на караул и низко поклонился. Они вошли, и солдат запер ворота. Двор конногвардейских казарм был замощен грубым камнем и посыпан гравием; двое или трое часовых расхаживали взад-вперед, временами косясь на треугольную раму из скрещенных алебард и привязанного к ней бедолагу-солдата, которого безжалостный Ординарец, закатав рукава и обнажив мускулистые руки, потчевал девятихвостой плеткой.

– Каким преступлением этот малый навлек на свою голову, вернее, на свою спину сию кровавую кару? – спросил герцог, подходя к истязуемому.

– Он соорудил рожу лорду Хиллу, когда тот велел ему

облизать пыль со своих башмаков, – сообщил Ординарец, ненадолго опуская плетъ.

– Лорд Хилл – негодяй, – ответил его светлость, – во-первых, потому, что приказал выпороть человека за отказ совершить тяжкий проступок (а исполнить то, чего он требовал, было бы тяжким проступком), во-вторых, потому, что поручил тебе провести экзекуцию, хотя право отдавать такие распоряжения есть только у меня. Немедленно освободи этого несчастного, Ординарец, и привяжи на его место лорда Хилла, как только отыщешь.

Впервые за долгую жизнь Ординарец замаялся, получив хозяйский приказ. Отбросив плетку, он глубоко вздохнул. Слезы покатались из серых глаз, а на морщинистом лице проступила глубокая скорбь.

– В чем дело? – в величайшем изумлении произнес герцог. – Тебя что, околдовали? Почему ты не летишь молнией исполнять мою команду?

Несколько мгновений Ординарец не мог ответить. Наконец горе нашло выход в слезах, а затем и в словах, прерываемых рыданиями и стонами.

– Милорд, сегодня пекарский день, и я как раз принялся готовить отличный смородинный пирог, когда лорд Хилл, скотина, потребовал провести экзекуцию, и вот, покончив с одним наказанным, я должен приниматься за самого лорда, так что теперь Серингапатам или другой несносный обжора съест мой пирог, а мне ничего не останется, хотя и муку, и

масло, и ягоды я купил на свои деньги...

И, растроганный перечислением своих несчастий, Ординарец зарыдал с новой силой. Герцог Веллингтон со смехом положил руку на плечо старого солдата и велел ему не убиваться, пообещав в награду за службу кое-что лучше пирога. Ординарец, утешенный этими заверениями, поспешил исполнить, что велено, и вскоре лорд Хилл уже получал возмездие за свое преступление.

Маленькие король и королева, понявшие из разговора, что сегодня в конногвардейских казармах пекарский день, выразили желание осмотреть помещение, где пекут хлеб.

– Ваши величества безусловно вольны его посетить, коли желают, – сказал герцог, – при условии, что моего сопровождения не потребуются, поскольку я никогда не хожу туда, где мои солдаты заняты стряпней.

– Отлично, герцог Веллингтон, мы без вас обойдемся, – сердито отвечали феи и тут же, резко повернувшись, вошли в здание конногвардейских казарм. Там они отыскивали пекарню: большое кирпичное помещение с полом, замощенным, как на улице, и без потолка, так что все стропила, образующие крышу, были на виду. Огонь в очаге пылал такой, словно на нем собираются зажарить целого быка. Посередине стоял длинный стол, за которым две или три сотни солдат деловито лепили грубые буханки и пироги; во главе его на высоком трехногом табурете восседал очень старый человек явно выше шести футов ростом, с костями мамонта и мышцами Гер-

кулеса. Его седые волосы были собраны сзади и заплетены в длинную косицу, нос походил на орлиный клюв, когда от старости верхняя половина проткнет нижнюю, и царь птиц, не способный ни есть, ни пить, возлежит в своем высокогорном гнезде, усеянном, словно погост, выбеленными костями тех, кого он истребил в расцвете молодых сил... – Я собиралась продолжать, но метафора и без того получилась слишком растянутой. Нос Серингапатама (ибо это был именно он) мог бы поспорить с орлиным, а рот алой лентой тянулся от уха до уха, что вместе с большими и выразительными черными глазами выдавало в нем истинного уроженца Гибернии¹⁴. Он с чрезвычайным достоинством и царским величием восседал на своем высоком троне, опершись головой на руку, цвету которой мог бы позавидовать снег – она была кирпично-бурая. Одну ногу ветеран поставил на край стола, другую – на голову молодого ослушника: сей несчастный посмел взбунтоваться против его власти, но был усмирен обещанием во время завтрашней муштры задать ему перцу, так что теперь нес кару за свое гнусное преступление. Говоря, Серингапатам всякий раз простирал руку вперед, повторяя изящный жест всех великих ораторов Греции, Рима, Британии и Гибернии.

Полюбовавшись на эту сцену в течение некоторого времени, маленькие король и королева отправились на поиски герцога Веллингтона. Он обнаружился в общем помеще-

¹⁴ *Гиберния* – римское название Ирландии.

нии для офицеров – круглой ротонде, задрапированной зеленой тканью. С потолка свешивалась бронзовая люстра, покрытая слоем многолетней пыли. Посередине располагался бильярдный стол, за которым несколько офицеров играли и разговаривали. Герцог стоял в одном из концов комнаты. Его окружали лорды Рослин, Бересфорд, Соммерсет и Артур Хилл, а также генералы Мюррей, Гардиндж, Лондондерри, Фицрой и прочие. Рослин как раз произносил его светлости следующий панегирик:

– Милорд, когда вы появляетесь, с моих очей словно спадает пелена. Вы – сияние ясного солнца после дождя. Темные тучи при вашем появлении спешат укрыться в глубокой пучине, откуда вышли и куда должны возвратиться. Сотни цветов, поникшие прелестными головками под яростью бури и поблекшие от ее неистовства, поднимают тонкие стебли, расправляют изумрудные листики и скидывают золотые короны к первым лучам, возвещающим ваш приход, ликуя всем существом, ибо последние капли дождя, озаренные вашим блеском, вспыхнули слабой радугой, и она с каждым мигом все ярче. Глядя на эту величественную дугу, раскинувшуюся в небесах над землей, знамение того, что воды потопа никогда больше не сомкнутся, бурля, над высочайшими горами, венчающими облаками свою главу, не прокатятся с грозным торжеством по долинам, исполненным красы и покоя, я размышляю о таинственной связи между смиренной дождевой каплей, с одной стороны, радугой в небе и первы-

ми весенними ростками – с другой, ведь они сходны в своем происхождении; хотя одна – дитя небес, а другие – земли, всех их «шторм в колыбели качал и баюкала буря». Ну как, милорд? Разве не прелестно? – проговорил он, больше напоминая в этот миг мартышку, нежели человека.

– Рослин, – отвечал герцог, саркастически улыбаясь, – сегодня вы превзошли себя, хотя, боюсь, уреди мы выступить шакала или шимпанзе, воришку или пигмея – им бы удалось нагородить еще больше бессмыслицы и несуразностей. Однако, сэра, и теперь я совершенно серьезен: если вы еще раз обеспокоите меня подобными тирадами, более напоминающими убогие словоизлияния жалкого стихоплета, чем речь разумного и смелого офицера или даже штатского, наделенного хотя бы посредственными способностями, я непременно предоставлю вам случай явить изящные французские манеры – шарканье ножкой и поклоны, – каковые, произведенные под плетью на виду у всего гвардейского полка, едва ли вызовут общее восхищение. Кроме того, сэра, вы отныне должны ежедневно присутствовать на муштре и оглашать список личного состава, собственноручно драить свое оружие и амуницию без помощи денщика, в обществе чистильщиков армейских сапог, дабы обучить их благородному ораторскому искусству и своим примером улучшить их обхождение, после чего отсидите несколько месяцев на гауптвахте: надеюсь, там в тишине и одиночестве вам удастся сочинить более достойные образцы изящного слога, нежели те,

что нам до сих пор доводилось от вас слышать.

На этом его светлость умолк. Все генералы презрительно смотрели на Рослина и, когда тот пытался к кому-нибудь подойти, шарахались от него, как от прокаженного. Видя такое их пренебрежение, несчастный залился слезами и с громкими рыданиями бросился прочь из комнаты. Через несколько минут все услышали, как он распевает следующие куплеты:

Бежать, бежать в леса скорей
И там от горя выть!
Увы, суровых звук речей
Нигде мне не забыть!

Куда как жалок жребий мой,
Я больше не в фаворе!
Что ж, брошусь в речку головой,
А лучше даже в море!

В багровых отблесках зари
С обрыва прыгну в воду,
И в ней, пуская пузыри,
Я обрету свободу.

Со мной потонет в глубине
Весь груз земных обид,
Заплачут волны обо мне,
И ветер прошумит.

Я жизнь окончу на суку,
Болтаяся в петле,
Иначе не избыть тоску
Вовеки на земле.

Я в грудь себе воткну кинжал,
Яд растворю в вине...
О нет, я выбрал свой финал:
Я смерть найду в огне!

Тут послышался громкий шум, и вбежал Егерь, крича, что лорд Рослин бросился в огонь, но его успели вытащить, и он даже не обжегся.

– Отведите его в самое глубокое подземелье, – сказал герцог Веллингтон, – и месяц держите на хлебе и воде.

С этими словами его светлость вышел из комнаты, маленькие король и королева – за ним.

– Куда вы направляетесь? – спросили они.

– К Артуру, – сказал он. – Ваши величества окажут мне честь, пойдя со мной?

– Да, – коротко ответствовали они, и через несколько минут, поднявшись по каменной лестнице, все пятеро оказались в длинной галерее, заканчивающейся дверью. Пройдя в нее, они увидели сводчатый проем, закрытый плотным зеленым занавесом. Герцог отодвинул портьеру, и взорам предстал очень изящный, хотя и маленький салон. Пол устлала персидские ковры, низкие диваны были обтянуты зеленым

атласом с очаровательной вышивкой. Сводчатый потолок украшала сделанная со вкусом роспись в восточном стиле, на прекрасных беломраморных постаментах высились алавастровые вазы, полные благоуханных цветов. На каминной полке паросского мрамора красовались японские статуэтки тончайшей работы, а на итальянской мозаичной столешнице – порфиновые, лазуритовые и агатовые фиалы с лучшими ароматами Востока. Все окна были затенены апельсиновыми и миртовыми деревьями, росшими в больших горшках северского фарфора. У одного из них сидели маркиз Доуро и лорд Уэлсли. Первый был в мундире своего полка, синем с золотым позументом, второй – в белом шелке с бледно-зеленой каймой и малиновом плаще, застегнутом пряжкой с изумрудами и сапфирами.

Как только герцог вошел, оба весело вскочили, приветствуя его в своем тихом жилище после шума и многолюдства ротонды. Он сел и спустя недолгое время произнес:

– Какое роскошное у тебя жилье, Артур. Заверяю тебя, мой сын, оно едва ли может подготовить человека к тем тяготам, которые рано или поздно случаются в жизни каждого.

– О, отец! – воскликнул Чарлз. – Артур всегда создает тяготы даже там, где их нет. С самого своего прихода (то есть вот уже три часа) я ни разу не увидел улыбки на его лице и не услышал ни единого слова, так что принужден был открыть окно и забавлять себя беседой с каждым проходящим. Когда и этот последний ресурс исчерпался, поскольку во дворе не

осталось ни души, я, просидев с полчаса в молчании, понял, что вот-вот впаду в меланхолию, поэтому встал, перенюхал все цветы и духи в комнате, затем принялся танцевать, тряссти апельсиновые ветки, распевать веселые песни; я топал ногами, бушевал, плакал, строил Артуру рожи, передразнивая его кислую мину, вопил, смеялся, впадал в истерию и наконец, не вытянув из него и полслога, обессиленно рухнул на стул, где и сидел, в отчаянии глядя на Артура, пока не вошли вы, – и лишь тут он, к моей несказанной радости, поднялся и отверз уста, чтобы вас приветствовать.

Герцог Веллингтон пробыл в здании конногвардейских казарм около часа, после чего вернулся на Даунинг-стрит, где его уже дожидалась свежая кипа официальных документов. Он немедля сел их разбирать, за каковым занятием я его пока и оставляю.

IV

Глава 1

Как-то погожим осенним вечером герцог Веллингтон направлялся из Лондона в Стретфилдси. Он только что миновал деревню и въехал на узкую дорогу, идущую к воротам парка. Здесь он спешился и, ведя старину Бланко в поводу, неспешно зашагал вперед. Как я уже сказала, стоял погожий осенний вечер; в теплом воздухе не ощущалось и малейшего дуновения, высоко в небе медленно плыли легкие облака, и лишь кое-где на мглистом горизонте темнели синие полосы. Солнце только что село, улитки выползли из зеленой изгороди насладиться освежающей росой, которая в это время года выпадает сразу после заката. Дубы и боярышники у дороги почти не роняли листья, ибо осень только-только тронула своими нежными красками их темные кроны. Из звуков слышалось лишь гудение летящей божьей коровки да трели ручейка, незримо текущего по колее брошенной дороги за густыми зарослями дикого щавеля, цветного горошка и полевых трав. Холм по одну сторону тропы скрывал от глаз поместье с его обширным парком, садами, лесами и прочим, лежавшее в очаровательной долине, которая начиналась по другую ее сторону.

Продолжая путь, герцог внезапно слышал приглушенный гул, как будто несколько человек разговаривали вполголоса чуть дальше по тропке. Он остановился и напряг слух, однако не разобрал ни слова. Через несколько шагов тропа повернула, и герцогу предстали три старые женщины, сидящие на зеленом бережку под кустом остролиста. Они быстро-быстро вязали и одновременно безостановочно работали языком. Маленький король, растянувшись рядом на земле, лениво срывал фиалки и заячью капусту. При виде герцога он вскочил, и старушки тоже. Они сделали реверанс, а маленький король поклонился, примерно как трясогузка на камне. Его спутницы прыснули со смеху, а он, не обращая на них внимания, обратился к герцогу так:

– Вот, герцог Веллингтон, три мои приятельницы, которых я хочу вам представить. Некоторое время они служили прачками в семье покойного сэра Роберта Пиля, баронета, который так их уважал, что в завещании отписал каждой по двадцать гиней. Впрочем, после его смерти нынешний баронет выставил их на улицу вместе с еще несколькими старыми, но верными слугами покойного родителя, чтобы освободить место для расфуфыренных лакеев и камердинеров, без которых теперь не обходится ни один господский дом. Так что теперь они остались без угла и без куса хлеба, и если вы возьмете их к себе, то окажете большую услугу им, да и мне тоже.

– Я не привык сам нанимать слуг, – промолвил его свет-

лость, – но если ты отведешь их к моей экономке и та найдет их кандидатуры достойными, я не возражаю.

– Отлично, герцог Веллингтон, – ответил маленький король, очень довольный.

Герцог вновь сел в седло и резвой рысью поскакал вперед, чтобы избегнуть общества новых знакомых. Те, впрочем, не отставали и, весело смеясь, безостановочно пытались втянуть его в разговор. Наконец вся компания обогнула холм и по длинной, идущей под уклон аллее вступила в лес, граничащий с парком Стретфилдси. Миновав запутанный лабиринт тропок перед домиками Серингапатама, Ординарца и Джека-на-все-руки, они остановились перед дверью в дом Серингапатама, и герцог, пригнув голову, чтобы не задевать головой ветки, отодвинул щеколду. Серингапатам тут же вскочил, низко поклонился и, не дожидаясь хозяйского приказа, побежал открывать парковые ворота. Герцог нагнулся к старику и шепотом попросил того задержать маленького короля и прачек, пока сам он не доберется до усадьбы. Серингапатам склонился еще ниже, и герцог, легонько прищпорив Бланко, галопом унесся прочь.

– Прошу ко мне на кухню отдохнуть, – сказал Серингапатам.

Все четверо поблагодарили его и без дальнейших церемоний вошли в маленькое беленое помещение. На дубовом буфете сверкала посуда из олова и дельфтского фаянса, над ним висели до блеска начищенные сабля и ружье, на чер-

ном дубовом сундуке аккуратной стопкой лежали книги. По обе стороны от жарко пылающего камина разместились два внушительных кресла, а напротив окна выстроились в ряд несколько прочных табуретов. Пол был оттерт до белизны. Миссис Серингапатам, сидя за круглым сосновым столом, чинила мужнины чулки. В темно-зеленом платье, белоснежном чепце и фартуке она выглядела такой степенной, словно ей не двадцать пять лет, а все шестьдесят.

Когда маленький король и старушки вошли, хозяйка встала и пригласила их садиться. Некоторое время они разговаривали, затем миссис Серингапатам вышла и вернулась с тарелкой отличного смородинного пирога и бутылкой грушевого сидра. Это угощение она предложила гостям. Подкрепившись, они собрались уходить. Серингапатам, зная, что господин уже в усадьбе, открыл дверь. Гости двинулись через парк со всей возможной поспешностью, ибо ночь сгушалась и луна, изливающая свой свет на рощи и аллеи, темными полосами уходящие вдаль, уже поднималась в осеннее небо, испещренное легкими перистыми облачками и тусклыми огоньками звезд.

Так случилось, что лорд Чарлз Уэлсли в тот день отправился бродить по обширным отцовским владениям и теперь возвращался домой. Он издали заметил трех старушек с их проводником и, будучи по природе общительным, прибавил шаг, чтобы догнать компанию. Тем временем в его переменчивый ум пришла новая мысль: он решил, что будет красться

сзади незамеченным и подслушивать. Лорд Чарлз рассчитывал изрядно позабавиться, но старушки обманули его ожидания: такие говорливые в доме Серингапатама, они теперь словно воды в рот набрали.

Примерно через час компания подошла к глубокому быстрому потоку, пересекающему парк. Ивы и лиственницы склонялись над рекой, лунный свет трепетал в их ветвях, и его отблески на бурной воде являли умиротворяющий контраст неукротимо катящейся стремнине. С противоположного берега выдавался мыс, и лорд Чарлз, ожидавший, что они пройдут по этой природной дамбе, остановился посмотреть. Однако, к его изумлению, они бесшумно скользнули на середину реки и, трижды повернувшись среди серебристых осколков лунного отражения, исчезли в водовороте пены и волн. Секунду лорд Чарлз от ужаса не мог тронуться с места, затем, перебежав по дамбе, устремился через лес на другом берегу. Едва он выбрался на открытую дорогу, как увидел в нескольких ярдах впереди маленького короля и старух, целых и невредимых. Лорд Чарлз изумился еще больше и решил, что это феи, которых маленький король прихватил с собою на землю из Волшебной страны. Впрочем, как ни силился он успокоить себя этой мыслью, на душе у него было тревожно. Со странным неприятным чувством смотрел лорд Чарлз на острые мордочки старух, слушал визгливые голоса (они вновь принялись весело болтать) и не мог взять в толк причины своего беспокойства.

Наконец компания подошла к усадьбе. Маленький король постучал, большие двери распахнулись, и на широкие каменные ступени хлынул яркий свет, ибо в дальнем конце зала пылал камин, а в бронзовой люстре горели все свечи до единой. Слуги как раз ужинали: Егерь сидел на первом председательском месте, Ординарец – на втором, а Джек-на-все-руки исполнял обязанности официанта. Дубовые стропила дрожали от раскатов дружеского хохота. Маленький король и его спутницы вошли. Двери снова закрылись, и лорд Чарлз остался во тьме и одиночестве ночи, так непохожих на мелькнувшую перед ним картину веселой трапезы. На миг он задумался, затем, одним прыжком преодолев лестницу, припустил по дорожке и вскоре уже стоял перед дверью в стене. Лорд Чарлз вынул из кармана ключ, отпер ее и оказался на прелестной зеленой лужайке с фонтаном посередине, в окружении садовых деревьев и кустов. Он пересек лужайку и по высокой, украшенной балюстрадой лестнице поднялся на террасу, ведущую к сводчатой стеклянной двери. Ее лорд Чарлз тоже отпер и вступил в маленькую, изящно обставленную комнату – личные покои самого лорда и его брата.

Артур сидел у камина, подперев голову, погруженный в глубокую задумчивость. При виде лорда Уэлсли он вскочил и воскликнул:

– Ах, Чарлз, я уже давно тебя жду и слушаю, не раздадутся ли твои шаги? Я так рад, что ты здесь! Давай сядем и, как всегда, от души наговоримся, прежде чем идти спать.

Чарлз приветствовал брата с такой же сердечностью и, растянувшись на персидском ковре, начал пересказывать свои сегодняшние приключения. За этим занятием я его пока и оставлю, а мы вернемся к маленькому королю и старушкам.

После ужина маленький король попросил дозволения поговорить с экономкой, но горничная сказала, что та уже ушла к себе и никто не смеет ее беспокоить, а вот утром он и его знакомые могут с ней побеседовать. Ответ этот отнюдь не порадовал дам, которые тут же принялись громкими пронзительными голосами выражать свое неудовольствие, но тут пришел Старый Босьяк и отправил их спать вместе со слугами.

На следующее утро они встали с рассветом и едва не ворвались к миссис Доре Давлайк, однако горничная успела этому помешать и предупредить о последствиях такого поступка – а именно что их выставят за дверь без всякой аудитории. С большим трудом старушек убедили дожидаться девяти часов, так они торопились уладить дело. В девять миссис Дора передала через служанку, что готова их принять. Они застали экономку за завтраком: она сидела в кресле, поставив ноги на обитую тканью мягкую скамеечку. Прямая как палка фигура была затянута в старомодное платье черного шелка со множеством оборок, кружева на чепце были накрахмалены до состояния книжного коленкора. По счастливой случайности этим утром миссис Дора пребывала в хо-

рошем настроении, посему, пригласив старушек сесть и задав им несколько вопросов, согласилась отвести всех троих к ее светлости герцогине Веллингтон.

Пройдя по длинному коридору, они оказались в ее малой гостиной, обставленной в самом великолепном, но тем не менее простом и неброском стиле. Герцогиня, как всегда, шила одежду для бедных. Она была в роскошном платье темно-малинового бархата почти без украшений, если не считать одного большого яркого бриллианта, которым скреплялся пояс. Пышные пряди густых каштановых волос, убранные под шелковую сетку, изящно венчало страусовое перо. Лицо и фигура были прекрасны, как и выразительные карие глаза. Однако в первую очередь ее светлость отличали кротость и доброта, сквозившие в каждом движении и взгляде. Казалось (и так оно и было на самом деле), она не способна насупить брови, и даже когда домочадцы ее огорчают, только смотрит печально, но не хмуро или сердито.

Герцог как раз был в комнате и беседовал с супругой. Увидев его, экономка почтительно присела в книксене и собралась удалиться, однако тот попросил ее не уходить и вышел сам, дабы не смущать их грозным присутствием сановного полководца. После недолгого разговора постановили, что трех пожилых дам возьмут прачками на месяц, и если в течение испытательного срока они хорошо себя зарекомендуют, оставят в доме с жалованьем десять гиней в год. Выслушав это решение, старушки удалились, очень довольные и

ласковым обхождением герцогини, и неожиданным успехом своего начинания.

На следующий день они приступили к новым обязанностям, которые исполняли на протяжении нескольких недель весьма прилежно и старательно, однако не без склок между собой, причем словесные перебранки часто выливались в яростные потасовки, и уж тогда в ход шли зубы, ногти, ноги и кулаки. Маленький король (ни на шаг не отступавший от старушек) неизменно оказывался рядом и всякий раз подзадоривал прачек колошматить друг друга посильнее. Это, впрочем, никого не удивляло: все обитатели Стретфилдси, не исключая герцога, знали шкодливый нрав маленького короля и почитали его скорее за злобного лесного духа, чем за истинного обитателя Волшебной страны.

Лорд Чарлз никому не рассказал о странном происшествии, очевидцем коего стал в ночь их появления. Впрочем, любопытство, отличавшее его с рождения, разыгралось. Лорд Чарлз пристально наблюдал за прачками, однако те ничем больше не обнаруживали свою волшебную сущность. Как-то вечером он отправился один на берег реки, где видел их ступающими по воде. Довольно долго лорд Чарлз бродил среди деревьев, срывая дикие розы, колокольчики и другие полевые цветы, потом лег на траву и устремил взор в голубое небо, иногда проглядывающее сквозь густые кроны деревьев. Звуки, долетавшие до его ушей – тихий плеск бегущей воды, воркование горлинок в далекой роще и шелест ветра, – уба-

юкивали. Постепенно веки лорда Чарлза смежились, сердце наполнилось покоем, и он мало-помалу провалился в приятную дрему, когда дуновение бриза внезапно донесло до него следующие отчетливые слова: «Жди нас в полночь в коридоре». Он вздрогнул и прислушался. Звук замер, вокруг раздавалась лишь первозданная мелодия леса.

– Меня околдовали! – воскликнул лорд Чарлз вслух. – Точно, они наложили на меня какое-то заклятие, но я все равно приду на условленную встречу. Артур в Лондоне, так что никто об этом не узнает.

Засим он встал и вернулся в усадьбу. До конца дня лицо его сохраняло выражение необычной задумчивости, и в спальню он удалился ранее обыкновенного. Пока дом не утомился, лорд Чарлз сидел за столом с книгой. Наконец звук шагов и голоса смолкли, и в наступившей мертвой тишине большие часы пробили двенадцать раз. Как только их глухой гул прокатился по залу, лорд Чарлз встал, погасил свечу и через потайную дверь выскользнул из комнаты в коридор. Его очи с невольным трепетом оглядели длинное узкое пространство, занавешенное непроницаемой тьмой. Наконец меж колоннами возник движущийся огонек, который прыгнул назад, едва лорд Чарлз сделал к нему шаг. Тот не отставал, и вскоре огонек вывел его к винтовой лестнице, идущей внутри большой круглой башни. Лорд Чарлз поднялся на самый верх, и здесь, перед огромной дверью, огонек пропал. Дверь с резким скрежетом распахнулась. Длинные

ряды факелов по стенам озаряли высокую комнату тусклым кровавым светом. Крыши не было, однако небосвод казался облачным куполом с нарисованными на нем редкими звездами. Посередине стоял черный балдахин, и ветер, долетавший снаружи, колыхал его занавеси. Под балдахином в трех гробах лежали три закутанные в саван фигуры. Лорд Чарлз подошел и, приподняв могильные пелены, увидел лица трех старых прачек. Он задрожал от ужаса и в то же мгновение услышал громкий смех. Подняв глаза, лорд Чарлз увидел рядом с собой маленьких короля и королев. Они весело хлопнули его по плечу и сказали:

– Не бойся, Чарли, это всего лишь призраки, созданные нашим колдовством.

При этих словах он открыл глаза и в изумлении огляделся. Вокруг лежал залитый лунным светом речной берег, рядом не было ни души. Лорд Чарлз тут же бегом бросился домой и с жаром пересказал все происшедшее отцу, матери и брату, которых застал вместе в гостиной. Те, разумеется, посмеялись, однако вызванные слуги сообщили, что прачек не видели в Стретфилдси с самого утра. Розыски не дали никаких результатов – старушки пропали без следа. Один селянин рассказал, что видел их на пустоши с маленьким королем, но стоило ему на миг отвести глаза, как на месте старух оказались маленькие королевы. Вот и все, что удалось выяснить, несмотря на самые тщательные изыскания, и больше в тех краях ничего о них до сего дня слышно не было.

Глава 2

Был чудесный июльский вечер, когда маркиз Доуро и лорд Чарлз Уэлсли лежали на краю высокого обрыва, молча любуются открывающейся картиной. Величавые деревья смыкали кроны в вышине, образуя лиственный полог над ковром из травы и цветов. Далеко внизу сотни дубов и платанов скрывали густым зеленым покровом каменистое ущелье, а из глубокой сумеречной тени на его дне, куда отвесные склоны не пропускали бледный свет закатного неба, доносилось журчание незримого ручейка. Более ни единый звук не нарушал вечернюю безмятежность, которой дышало каждое дуновение ветерка, – но вот маркиз Доуро взял лежащую рядом гитару и принялся перебирать лады, пока все струны не запели в унисон. Тогда он заиграл печальную старинную песнь, и едва она огласила местность, как издали донеслась та же мелодия.

– Послушай, Марианна тебе отвечает! – воскликнул лорд Чарлз.

Артур прислушался, но и музыка, и даже ее эхо скоро затихли. Некоторое время братья молчали, пристально глядя на горизонт, где бледное сияние предвещало восход луны, и наконец она, словно серебряный щит, медленно поднялась среди облаков и звезд и, подобно императрице ночи, воссела на синий трон туманных холмов, обрамляющих во-

сточную часть окаема.

– Невозможно поверить, что этот лучезарный шар – такая же планета, как наша, – сказал Артур, когда ее сияние залило все вокруг.

– Конечно нет, дорогой брат, – со смехом ответил лорд Чарлз. – Если хочешь, пока мы тут бездельничаем, я расскажу тебе о ней одну историю.

– Непременно, Чарлз, ты же знаешь, как я люблю слушать твои истории, особенно когда мне грустно, вот как сейчас. Начинай, я готов.

– Прямо сию минуту и начну, только где моя обезьянка Трингия? Трингия! А, вот и она! Садись здесь, Трингия, под кустом. Вот тебе орехи и смородина. Изволь вести себя тихо, как мышка, покуда я буду отвлекать внимание Артура от обитательницы вон того домика – видишь, Трингия? – окруженного садами и огородами. погоди, кто это там нагнулся над клумбой? Кто-то в белом... не может быть... Да, это Марианна Хьюм!¹⁵ Ну-ка, ну-ка... у меня с собою театральный бинокль... да, теперь я вижу, что она поливает тот самый розовый куст, который Артур взял для нее из оранжереи и посадил собственными руками – он же у нас добрый юноша. Да, и арфа ее стоит в беседке, откуда несколько минут назад долетала чарующая мелодия.

– Чарлз, ты будешь рассказывать свою историю или нет? – спросил Артур, явно желая сменить тему.

¹⁵ Марианна Хьюм – дочь личного врача герцога Веллингтона, доктора Хьюма.

– Да, братец, – ответил лорд Уэлсли и начал так:

«Жил некогда в Грузии, там, где серебристая Арагва омывает стопы величавого Эльбруса, старый человек по имени Мирза Абдулейман. Он обитал совсем один в маленькой лачуге вдали от людского жилья – до ближайшей деревушки было двенадцать миль. По роду занятий Мирза был дровосек и отнюдь не бедствовал, потому что деревьев в глуши грузинских лесов хватало; еще он собирал и продавал каштаны. С детства привычный к тишине исполинских Кавказских гор, старый лесоруб не нуждался в людском обществе, предпочитая гулять под липами вдоль берегов Арагвы и смотреть на глубокие расщелины, бороздящие склоны ледяного Казбека, или в безмолвном восхищении взирать на ужасающие очертания Гуд-горы, чья увенчанная снежной шапкой глава уходит высоко в лазурную синь его родных небес.

Как-то вечером Мирза возвращался домой, нагруженный хворостом, который насобирал в трех милях от своей лачуги, и, утомившись, присел в зеленой ложбинке между двумя скалами. Небо над головой, безоблачное и прекрасное, сияло расплавленным янтарем, и его золотистый свет придавал вершинам нежнейший оранжевый оттенок, лишавший снег той хладной мертвенной бледности, что так плохо гармонировала с теплыми тонами всего вокруг. Престарелого Мирзу тронула живописная картина, и он, преклонив колени и обратясь в сторону Мекки, вознес закатные молитвы Магомету, а затем восславил Всемогущего, создавшего столько кра-

сот исключительно для отдыха и удовольствия неблагодарных людей.

Закончив молитву, он встал, взял связку хвороста и, последний раз оглядев великолепный пейзаж, приготовился идти дальше. Каково же было его изумление, когда он узрел ровную черную линию, опоясавшую ясные небеса. Она медленно поднималась, свивалась в кольца и разворачивалась – два черных драконьих крыла, словно грозовые тучи, затмили западную часть неба. Шум стоял такой, будто все ветры мира дуют одновременно. Некоторое время полоса колыхалась между земной твердью и сводом небес, затем начала опускаться. Мирза трясся, точно в дрожательном параличе¹⁶, но как же усилился страх, когда неудержимая сила повлекла его к темной полосе. Старик молился, вопил, призывал имя Магомета – все тщетно: он по-прежнему двигался вверх, словно увлекаемый магнитом кусок железа. Быстрее света летел Мирза, выше и выше, много дней и ночей, пока Луна в его глазах не стала больше Земли. Наконец от ужаса он лишился чувств, а когда открыл наконец веки, смеженные обмороком, то увидел вокруг местность, которую доселе не зрел ни один из смертных. Черные горы, превосходящие высочайшие из земных вершин, изрыгали потоки огня и клубы дыма, уши полнились ревом inferнального пламени. Почва под нога-

¹⁶ *Дрожательный паралич* – старинное название болезни Паркинсона. Паркинсон опубликовал свое «Эссе о дрожательном параличе» в 1817 г., но его имя за болезнь закрепилось позже.

ми ежесекундно содрогалась, в ней разверзались щели, откуда били новые реки алой кипящей лавы и, бурля, заливали все вокруг.

– Я умру, я не могу жить! – воскликнул Мирза. Холодный пот крупными каплями струился по его морщинистому лицу. – О Магомет! О Аллах, спаси раба своего! Какое страшное преступление я совершил, что должен умирать смертью неверного?

– Випли-вопли керив невилах! – воскликнул пронзительный голос у него над головой. Мирза поднял глаза и увидел существо, стоящее на скале в окружении нескольких таких же. Но как мне описать их вид? С чем его сравнить? Существо было семи футов ростом, ноги его напоминали древесные ветви, глаза представляли собой два отверстия в квадратной голове. Рот, пока оно молчало, казался едва заметным выступом на морщинистой коже, но, открывшись, растягивался в овальную дыру с тремя рядами бурых зубов, острых и тонких, будто иголки. Руки были так длинны, что от локтей и ниже лежали на земле. Существа одним махом прыгнули с камня и опустились рядом с Мирзой. Они схватили и связали его длинными шарфами, которые сорвали у себя с головы, а затем примерно с полчаса разглядывали пристально, выказывая все признаки сильнейшего удивления. Тут рядом что-то зашипело и забулькало: Мирза поднял глаза и увидел, что на них неудержимо катится лавовый поток. Существа тоже это заметили и, подхватив Мирзу на руки,

с неопишуемой быстротой устремились в бегство. Впрочем, лава лилась так быстро, что непременно бы их настигла, если бы впереди не показался высокий каменный уступ. Существа в один миг запрыгнули туда, а лава, достигнув скалы, ударила в нее с рокотом приближающейся грозы и остановилась, постепенно остывая и превращаясь в черную массу, неразличимую в густом сумраке ущелья.

Существа продолжили путь и бежали без передышки, пока не начало смеркаться. К этому времени они достигли узкой долины, орошаемой притоком соседней реки. Здесь росли несколько высоких деревьев невиданного на Земле облика. Одно из них превосходило другие размером и красотой; в его широко раскинутых ветвях, среди густой листвы и цветов, виднелись сотни огромных гнезд – к ним-то существа, несшие Мирзу, и направились. Они быстро вскарабкались по стволу, забрались в верхнее гнездо и начали срывать полосатые лилово-желтые плоды, в изобилии росшие по одну сторону их круглого жилища. Насытившись, существа предложили плоды Мирзе. Тот попробовал не без опаски; мякоть, хотя и не походила вкусом ни на что, ранее им пробованное, оказалась сочной и освежающей, потому он более себя не сдерживал, пока не наелся вволю. По окончании трапезы существа застыли неподвижно, устремив взор в некую точку неба – лазурного, как и в нашем мире. Мирза посмотрел туда же и начал про себя возносить вечерние молитвы.

Внезапно над холмами возник край светлого диска. Он

поднимался, и наконец Мирзе предстала наша Земля – в пять раз больше, чем Луна, как она видна нам. Старик склонил голову и молча возблагодарил Бога. Едва Земля взошла, существа свернулись клубочком, и скоро громкий храп возвестил Мирзе, что их веки смежил сон. Чуть позже Морфей взял власть и над ним; погруженный в глубокую дрему старик позабыл свои горести на одну лунную ночь, которая, я думаю, Артур, примерно равна земной.

Сколько Мирза прожил среди этих странных существ, не ведаю: мне он рассказал лишь о том, как произошло его избавление. Однажды все они спустились с дерева на поиски плодов. Оставшись один, Мирза встал на колени и принялся с жаром просить Магомета, чтобы тот освободил его из плена. Пророк, видимо, внял мольбе старика, ибо в следующий миг послышался шум крыльев и огромное пернатое существо невиданных размеров и облика крепко схватило его своими бронзовыми когтями. Мирза покорился судьбе без единого звука или попытки высвободиться, ибо полагал череду своих несчастий карою за какие-то ужасные злодеяния предков. Лунный орел – а это был именно он – некоторое время парил над долиной, затем взмыл вертикально вверх на чудовищную высоту. Мирза испугался, что птица летит к Солнцу и, коли так, его участь – вечные мучения в огне. Он вновь обратил страстные, хоть и безмолвные мольбы к пророку. Тогда орел разжал когти, и Мирза с довольно-таки пугающей скоростью полетел вниз.

Как он падал, не знаю, поскольку чувства покинули старика задолго до соприкосновения с Луной. Когда они наконец вернулись, он понял, что лежит на траве и над ним склонились две исполинские фигуры. Видом они были величаво прекрасны и подобны людям. Уши им заменяли длинные кожистые выросты, ниспадающие до плеч. Из лба выдавался длинный рог, белый и гладкий, точно слоновая кость, и обвитый нитью золотых бус; волосы, ярко-голубые, мягкие и блестящие, словно непряденый шелк, были искусно заплетены в уложенные вокруг головы косы. На существах были длинные одеяния из белого пуха, перехваченные в талии богато расшитыми поясами и ниспадающие дальше мягкими изящными складками. На руках и на щиколотках блестели золотые браслеты, на шее висели тяжелые бусы из драгоценных камней, золота и серебра, на ногах красовались сандалии белого пуха с самоцветными пряжками, расшитые серебряной тесьмой. Существа, улыбаясь, с изумлением разглядывали Мирзу, переворачивая его чрезвычайно осторожно и ласково, и при этом говорили между собой на странном, но благозвучном языке.

Некоторое время спустя они поднялись и, завернув Мирзу в лист росшего неподалеку исполинского растения, отнесли его на такое место, где среди широкой равнины стоял огромный великолепный шатер в окружении других, поменьше. В этот шатер они и вступили, пройдя между шеренгами великанов ростом футов тридцать-сорок, которые все

как один выказывали существам глубочайшее почтение. Посреди шатра в задумчивой позе сидел тот, кто, надо понимать, был вождем этого народа; правой рукой он подпирал исполинскую голову, в левой сжимал кинжал. Существа приблизились и, развернув лист, положили несчастного Мирзу перед вождем. Тот с довольным возгласом ухватил старика и быстро вышел из шатра, сделав знак никому за ним не идти.

Примерно час вождь стремительно шагал через равнины, реки и холмы, пока не оказался в долине, где среди множества шатров высилось огромное здание из разных сортов пестрого мрамора – не в лучшем архитектурном вкусе, но внушающее уважение своими невероятными размерами. То была столица страны, куда попал Мирза, а во дворце обитал ее король. К нему-то великан и направился.

Нет надобности описывать диковинные церемонии, которыми сопровождалась аудиенция, – они так скучны, Артур, что их перечисление сделало бы мой рассказ еще более утомительным. Так или иначе, когда они закончились, великан с довольным видом показал Мирзу своему монарху, и тот от радости спрыгнул с трона, а затем, усевшись обратно, произнес речь, в которой выразил свое безмерное ликование. Затем Мирзу посадили в золотую шкатулку, украшенную драгоценными камнями, где он несчастным узником и пробыл до следующего дня. Наутро его выпустили и накормили. Старик так проголодался, что съел все, хоть и с отвращением, поскольку не знал, какого животного это мясо, к тому же оно

было жилистое и неприятное на вкус.

Едва он закончил трапезу, как раздались громкие голоса и звуки музыкальных инструментов. Мирзу посадили в шкапулку и унесли. После долгих часов ходьбы его снова выпустили, и он увидел огромную армию великанов, выстроившуюся на почтительном расстоянии от алтаря, на котором сам Мирза стоял в руках у почтенного старого жреца, облаченного в струящиеся белые одежды. Белоснежная борода доходила тому до пояса, а длинные седые волосы развевались на ветру. На алтаре пылал огонь. Жрец, бросив туда благовония и помазав Мирзу ароматическими маслами, возгласил:

– Вот приношение, которого ты требовала, о Гора! Все наши воины собрались, дабы тебе поклониться. Прими нашу жертву и пощади нас!

При этих словах Мирза понял, какая участь его ждет, ибо, хотя они были на неведомом языке, смысл их таинственным образом сделался ему ясен. Он затрепетал от страха при мысли, что сгорит заживо, однако ни звука не сорвалось с побелевших губ. После некоторой внутренней борьбы старик покорился неизбежному в надежде, что наградой за муки станет блаженство рая. Жрец тем временем излил на его склоненную голову последние капли еля, омыл Мирзу в крови только что убитого животного и подбросил еще дров в огонь, и без того пылающий с неистовой силой. Он уже готов был швырнуть несчастного в пламя, когда вокруг раздались

крики ужаса. Жрец поднял глаза. В небе возникла огромная черная гора, и она медленно опускалась на их головы. Внезапно из ее вершины хлынул огненный поток, и страшный голос прогремел:

– Несчастные! Вы приготовили жертву?

– О да! – в ужасе закричали великаны.

С глухим рокотом гора поплыла вверх и, покуда все онемело смотрели ей вслед, растаяла в небе.

Тогда жрец повернулся к Мирзе и сказал:

– Кто бы ты ни был, твоя участь – умереть, дабы мы жили.

Уже долгое время нас мучает видение, которое ты только что зрел. Оно грозило уничтожить всех, если существо, подобное тебе, не будет принесено ему в жертву; наконец некий добрый дух послал нам тебя. Дочери нашего главного воителя нашли тебя в поле, спящего и беззащитного, и отнесли своему отцу, а тот доставил нашему королю. До сих пор ты держался с должной покорностью року. Да не оставит она тебя и в час смерти...

С этими словами жрец бросил Мирзу в огонь. Муки, которые тот претерпел, неописуемы, ибо, когда пламя охватило руки и ноги, он почувствовал, как лопаются жилы; прокаленные кости рвали обугленное мясо; постепенно его конечности обратились в пепел, и он рухнул на их золу. Поднимающийся дым вскоре положил конец нестерпимой пытке: Мирза задохнулся и умер под ликующие возгласы великанов.

Финал моего сбивчивого рассказа окутан завесой тайны. Того же самого Мирзу, что принял мучительную смерть в руках великанов, не знаю сколько времени спустя пробудило от гробового сна прикосновение чьей-то руки к плечу, вернувшее ему жизнь. Он огляделся и понял, что стоит, прислонясь к косяку родной лачуги, а рядом лежит вязанка хвороста. Не возьму на себя смелость описывать его изумление и радость; впрочем, глянув на руки и ноги, Мирза увидел на них большие шрамы от ожогов. Голова у старика пошла кругом, но по здравом размышлении он рассудил, что все это проделки злых духов, населяющих Кавказский хребет. Я, признаться, с ним не согласен и считаю, что все описанное произошло на самом деле. Мирза так и не узнал, были ли великаны обитателями Солнца, Луны, звезд или Земли. Я думаю, что последнее наиболее вероятно».

– Эй, сыновья, каким это колдовством вы там занялись, что его надо совершать под полуночными (или около того) луною и небом? Идите сюда, мои маленькие шалопаи! – воскликнул голос у них за спиной.

Они вскочили и увидели отца.

– Сейчас идем, – ответил лорд Уэлсли. – Трингия, Трингия, где ты?

Трингия выскочила из-под куста и вскоре уже сидела вместе с Трилл, Филомелой и Полом¹⁷ в маленькой гостиной у

¹⁷ Котенок, соловей и попугай лорда Чарлза Уэлсли.

жарко пылающего камина...

Страна эта Брэндуэлла, Эмили, Энн и моя.

Прощай, читатель, и до новых встреч!

Надеюсь, что смогла тебя развлечь.

Занимательный эпизод из жизни некоторых выдающихся людей современности

Сочинение лорда Чарлза Уэлсли

18 июня 1830 года

Сочинение Шарлотты Бронте

17 июня 1830 года

Я убежден, что в домах высшей знати никто не знает всех семейных перипетий лучше слуг, да и в жилищах людей попроще дело обстоит так же. Поскольку я обыкновенно добр к лакеям, конюхам, камердинерам и прочим, они охотно поверяют мне секреты своих господ; таким образом, я располагаю богатейшими сведениями почти о каждой влиятель-

ной особе Стеклянного города, и, приди мне такая фантазия, мог бы явить читателю сцены убийства, воровства, лжесвидетельства и лицемерия, не имеющие параллелей в анналах других городов.

Есть и те, кто не так глубоко погряз в трясине порока, однако и они запятнаны мелкими грешками: ложью, скаредностью, пресмыкательством, двурушничеством, клеветой и тому подобным. Из этого-то круга людей я и выберу несколько примеров, оставив прочих на будущее, когда без сомнения смогу ознакомить читающую публику с другими занимательными подробностями из моей неистощимой копилки.

Как принято говорить, я вполне осознаю, что мои разоблачения произведут определенную сенсацию в среде тех, кого они касаются; однако взгляды и действия этих людей заботят меня не больше, чем кривляния моей обезьянки, а их злопыхательства я рассматриваю как дуновения зефира, жарким летним днем овевающего скалу посреди моря. Итак, я приступаю к теме моего нынешнего сочинения.

Глава 1

Как-то теплым солнечным вечером в августе 1829 года я отдыхал в одной из апельсиновых рощ, коих так много в зеленой долине, обрамляющей великий Вавилон¹⁸. Разомлев от жары, я лениво срывал золотистые плоды с нависшей надо мной ветки и, бросая их в прохладный искусственный ручеек, наблюдал, как они плывут по хрустальной воде и пропадают в густых зарослях чуть дальше по течению. Трингия лежала у моих ног, погруженная в сладкую дрему: наверняка ей снилось, что она в родимом Чили срывает тяжелые гроздья дикого винограда или вместе с мохнатыми сородичами носится под сенью джунглей, где в вечный сумрак не проникает и единый солнечный луч.

Жарясь на летнем африканском солнце, я, словно утка в грозу¹⁹, то и дело поглядывал на небо, безупречной голубишной затмевающее самые чистые сапфиры Голконды, в надежде на облачко, пусть даже несущее в себе тропический ливень. Внезапно я услышал, что кто-то вошел в рощу, и тут же заметил приближающегося джентльмена в ливрее. Подойдя,

¹⁸ То есть Великий Стекланный город. Многие литераторы, включая Байрона, называли Вавилоном Лондон; юные Бронте перенесли это сравнение на свою африканскую столицу.

¹⁹ Выражение было впервые употреблено Джоном Уолкотом в лирической оде, затем повторено Вальтером Скоттом и подразумевает «закатив глаза и почти что при смерти».

он приподнял шляпу и бесцеремонно адресовался ко мне следующим образом:

– Какого вы мнения о сегодняшнем дне, милорд? Я так чувствую, что на этой жаре скоро обращусь в пепел.

– На мой взгляд, – произнес я, не желая с ним соглашаться, – день сегодня умеренно прохладный. Как видите, мне пришлось удалиться в эту рощицу, чтобы хоть немного согреться.

– Странно, – хохотнул он, – я пришел сюда с прямо противоположной целью: укрыть голову от палящих солнечных лучей.

Дерзость такого обхождения настолько меня раздосадовала, что я чуть было не велел докучному собеседнику убираться восвояси, но затем, решив, что смогу позабавиться, пригласил его сесть на некотором удалении от меня. То был камердинер знаменитого литератора капитана Д***²⁰; как-то я пожалел его в бедственном положении, и теперь он полагал возможным держаться со мною запанибрата. Впрочем, малый он был не злой, а, напротив, добродушный и даже по-своему неглупый, и потому временами оказывался мне весьма полезен.

Я спросил, как поживает его хозяин.

– Неплохо, – ответил мой знакомец и робко добавил: –

²⁰ *Капитан Дре́в* (литературная маска Шарлотты) – крупнейший поэт, прозаик и драматург Стеклянного города; постоянно на ножах с другой ее литературной маской – лордом Чарлзом Уэлсли, который не упускает ни малейшего повода очернить соперника.

Если вашей милости угодно, я расскажу о двух-трех мелких происшествиях с моим хозяином, которые развлекут вас на полчаса.

Я согласился. Ниже изложено то, что он мне сообщил: не дословно, а общая суть, облеченная в выражения, наиболее, на мой вкус, подходящие.

Глава 2

Дело было в прошлом мае, утром. Я стоял за деревом в аллее перед сельской усадьбой моего хозяина, когда на дороге показался быстро скачущий всадник. Он приближался, и скоро я узнал лейтенанта Б***, главного городского библиотекаря. Я вышел из укрытия и отвесил поклон. Лейтенант спросил, дома ли капитан Д***. Я ответил утвердительно, а тут как раз появился и мой хозяин. Они пожали друг другу руки, внешне выказывая удовольствие от встречи, однако в сощуренном глазе библиотекаря (а глаз у него всего один) мне почудился некий недобрый умысел.

Они прошли в дом, велел мне накрыть коня попоной. Я так и сделал, а затем принялся водить его по аллее. Чуть позже лейтенант Б*** и мой хозяин показались вновь. При звуке их шагов я перебрался через изгородь и лег на землю, желая подслушать разговор, поскольку не мог взять в толк, зачем лейтенанту к нам приезжать – прежде за ним такого не водилось. Беседовали они очень тихо, и я сумел разобрать лишь последние слова хозяина: «На площади в двенадцать ночи? Отлично. До скорого». После этого он вернулся в дом, а лейтенант Б*** во весь опор поскакал прочь.

В восемь часов вечера капитан Д*** послал за мной. Я нашел его в библиотеке. Он велел спешно готовиться к отъезду в Стекланный город, где ему нынче в полночь надо присут-

ствовать на похоронах. Я подумал, что честных людей в такое время не хоронят, и преисполнился любопытства. Через полчаса сборы были закончены. Мы выехали и добрались до города еще до одиннадцати. Хозяин вылез из экипажа перед гостиницей «Амулет» и здесь оставил всех слуг, за исключением меня, мне же велел сопровождать его дальше.

Мы долго петляли узкими темными улочками, пока не вышли на широкую площадь, обрамленную ветхими домами, из которых лишь один выглядел жилым. В верхнем окне этого дома горел свет. Мы вошли и по разрушенной лестнице поднялись на низкий чердак. Здесь – вот тебе на! – стоял библиотекарь в плаще и в маске. Он что-то шепнул моему хозяину на ухо и протянул такие же плащ и маску, которые капитан немедленно надел.

Затем мой хозяин произнес тихо:

– Я боюсь идти через Большую площадь.

– Однако ее не миновать, – ответил лейтенант Б***. – Другого пути к кладбищу нет.

Затем оба быстро спустились по лестнице, я – за ними.

На выходе из дома нас встретили шестеро в масках – среди них я узнал по походке сержанта Д*** и сержанта Б*** – книгопродавца и стряпчего. Они с большим трудом несли очень длинный, широкий и по виду тяжелый гроб. Пристроившись за ними в качестве плакальчиков, мы медленно двинулись к Большой площади и довольно скоро до нее добрались. Здесь, весело переговариваясь и смеясь, стояли чело-

век тридцать дворян и генералов: меж ними я легко различил вашего отца, милорд, герцога Веллингтона. Никто из них не обратил внимания на похоронную процессию, тихо крадущуюся в тени высоких домов, и только ваш батюшка, не прерывая разговора с высоким уродливым человеком в мундире (чье имя, как я впоследствии выяснил, генерал Бобадил), пристально оглядел каждого из нас по очереди, а затем остановил взор на Д***. Тот сжался и задрожал, но герцог быстро отвел взгляд, и мы продолжили путь. Не знаю, сколько улиц миновала процессия, прежде чем оказаться перед домом на Чарлз-роу. Здесь сержант Б*** позвонил в колокольчик, и вышел его отец, великий политический писатель. Он присоединился к нам, и я услышал его слова, обращенные к библиотекарю: «Маграсс принял взятку». Засим вновь наступило молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.